Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал

Июнь 2018 г.

НОМЕР 39

ЧАСТЬ 4

LJOURNAL.RU

Самара 2018

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Тенденции развития науки и образования. «Тенденции развития науки и образования» Июнь 2018 г. Часть 4 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2018. - 60с.

SPLN 001-000001-0314-LJ
DOI 10.18411/lj-06-2018-4
IDSP 000001:lj-06-2018-4

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljjournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0314-LJ

<http://ljjournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ XIII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	5
Аблятипова Н.А., Скляр Е.М. Особенности правового положения сложных вещей как объекта гражданского оборота	5
Базылева Г.А, Копылова О.П. Использование результатов оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в рамках уголовного судопроизводства.....	10
Болтышова А.С. Исполнение приказа как обстоятельство, исключающее преступность деяния	12
Водяницкий В.А. Правозащитная деятельность должностных лиц правоохранительных органов	15
Водяницкий В.А. Защита чести и достоинства путем применения необходимой обороны.....	16
Животова К.О., Фадеев А.В. Особенности страхования в сфере туристской деятельности	17
Митягина Д.А. Административная ответственность за правонарушения иностранных граждан и лиц без гражданства.....	19
Монахова Н.С. К вопросу о правовом статусе дворянских собраний во второй половине XIX – начале XX века	21
Петряшова А.А., Ефремов Е.Н. Гражданско-правовая ответственность малолетних	23
Семенова В.А., Караваев И.В. Принципы содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.....	27
РАЗДЕЛ XIV. ПОЛИТОЛОГИЯ	30
Кузьмина О.Д. К вопросу о врожденных и приобретенных знаниях в идеях Конфуция об управлении.....	30
РАЗДЕЛ XV. ИСТОРИЯ	32
Морозов А.И., Школьникова Л.Е., Валинуров Р.Р. Исторические аспекты наследия античных Олимпийских игр.....	32

РАЗДЕЛ XVI. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	34
Бабаджанова М.М., Ибодова Т. Взаимодействие и сотрудничество культур Востока и Запада: гуманистический подход	34
РАЗДЕЛ XVII. ФИЛОЛОГИЯ.....	40
Аничкина Н.В. Литература 20-21 веков в школьном литературном курсе	40
Вишневецкая В.В. «Функции инверсии в стилистике английского языка» (на материале произведений Томаса Майна Рида)	42
Данияр уулу Таалайбек, Костина И.А. Оппозитивный анализ как инструмент компонентного анализа	51
Макарова О.Ю., Анока В.Ю., Михтиева А.А., Галиев Д.Р. Пословицы и поговорки здоровьесберегающей направленности как составная часть фразеологического фонда русского, английского, казахского и туркменского языков.....	53
Пудикова Г.Н. Анализ темпоральной сетки гарантийного письма в русском, английском и португальском языках	55

РАЗДЕЛ XIII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аблятипова Н.А., Скляр Е.М.

Особенности правового положения сложных вещей как объекта гражданского оборота

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Симферополь)

doi: 10.18411/lj-06-2018-57

idsp: 000001:lj-06-2018-57

Аннотация

Статья посвящена особенностям определения правового положения сложных вещей, как объектов гражданских правоотношений. Рассмотрены различные подходы к пониманию категории «вещи», выявлены критерии и проблемы характеристики сложных вещей, проанализированы некоторые особенности правоприменения на примерах судебной практики.

Ключевые слова: вещи, сложные вещи, неделимая вещь, признаки сложной вещи, объекты гражданских прав, предприятие, единый недвижимый комплекс.

Annotation

The article is devoted to the peculiarities of determining the legal status of complex things as objects of civil relations. Various approaches to understanding the category of "things" are considered, criteria and problems of characteristics of complex things are revealed, some features of law enforcement on examples of judicial practice are analyzed.

Key words: things, complex things, indivisible thing, signs of a complex thing, objects of civil rights, enterprise, single real estate complex.

Категория «вещи» как объекта гражданских прав на данный момент понимается достаточно широко, что, в свою очередь, порождает необходимость классификации вещей по различным основаниям. Это позволяет выделить специфические черты, как самих этих объектов, так и особенности их обращения в частно-правовой среде. При этом ряд классификаций вещей являются весьма специфическими. Мы, в частности, хотели обратить внимание на такую категорию объектов гражданских правоотношений, как «сложные вещи».

Актуальность рассмотрения этих объектов заключается в том, что удельный вес таких вещей, включенных в гражданский оборот, достаточно велик, и поэтому система российского гражданского права должна обеспечить возможность субъектов гражданских правоотношений беспрепятственно обращаться с ними (будь то включение в имущественный оборот обособленного комплекса разнородных вещей как единого целого или закрепление и защиту права субъекта на такую вещь и т.д.).

Гражданско-правовая категория «сложной вещи» уходит своими корнями глубоко в историю. Ещё в рамках классического римского частного права выделялась категория так называемого «составного тела». Так, по Помпонию: «Существует же три рода тел: один, который составляет одно целое и обозначается, как «единое бытие», как, например, раб, бревно, камень и подобное; другой род, который состоит из составных, т. е. нескольких, между собой связанных тел, что называется составным телом, как, например, здание, корабль, шкаф; третий, состоящий из отдельных вещей, не связанных одно с другим, но объединённых одним именем...»[9, §156].

Для того, чтобы определить сущность сложной вещи как объекта гражданско-правовых отношений и соотнести ее с иными гражданско-правовыми категориями,

необходимо сначала рассмотреть содержание понятия «вещи» и соотнести его с категорией «сложной вещи».

Рассматривая понятие «вещи» в контексте современного гражданского права, следует, прежде всего, отметить, что она охватывает весьма широкий круг объектов, имеющих, по общему определению, экономическую форму товара. Однако на этом фоне возникает дискуссионный вопрос об отнесении тех или иных объектов к упомянутой категории. В частности, сформировалось два основных подхода к определению «вещи».

Сторонники первой позиции, значительно расширяя категорию вещи, признают ею не только (в классическом понимании «вещи») осязаемые объекты материального мира, но и другие объекты гражданских правоотношений, в частности, - имущественные права. Этот подход примечателен тем, что его сторонники актуализируют точку зрения о необходимости рассмотрения категории так называемых «бестелесных вещей» (такой позиции, в частности, придерживается Д.В. Мурзин [5, С. 67-90]).

«В узком смысле под «бестелесными вещами» зачастую понимаются права, имеющие стоимость и денежную оценку, но представляющие собой «идеальный» нематериализованный объект»[4].

Представители же второй концепции (ее сторонниками являются, в частности, С.В. Скрябин, А.П. Сергеев, Н.В. Аполинская) неизменно утверждают, что в рамках данного понятия необходимо рассматривать лишь телесные (материальные) предметы. Здесь необходимо заметить тот факт, что данная позиция достаточно распространена в рамках романо-германской системы права. Подтверждая это, можно привести примеры зарубежного гражданского законодательства. Например, в соответствии с п. 90 Германского гражданского уложения: «Вещами в смысле закона признаются лишь материальные предметы». Это утверждение в полной мере отражает, так называемую, концепцию «овеществлённой» собственности, в рамках которой право собственности может быть направлено только на материальные предметы, и признаваемые, в свою очередь, вещами. Здесь же следует сказать, что подобный подход по своей сути не противоречит действующему гражданскому законодательству России, а именно положениям Гл. 6 ГК РФ.

По сути, не отрицает описываемую точку зрения и Е.А. Суханов, ссылаясь на то, что «вещами в гражданском праве признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара»[10, С.303].

И действительно, мыслится, что к категории «вещей» целесообразно относить, помимо традиционных орудий и средств производства, предметов потребления, ещё и документарные ценные бумаги, наличные деньги; энергетические ресурсы и сырьё в той части, в которой они добыты или созданы трудом человека (мы полагаем, что именно этот критерий придаёт вещам определённую экономическую ценность). Кроме того, нынешнее законодательство позволяет распространять правовой режим вещи ещё и на животных (в соответствии с ч. 1 ст. 137 ГК РФ), которых, казалось бы, и вовсе нельзя рассматривать в качестве вещи в её естественном, традиционном понимании.

Рассматривая сложные вещи, как разновидность вещей в целом, следует отметить, что нередко судами рассматриваются вопросы, так или иначе требующие определения спорной вещи в качестве сложной (или рассмотрение отдельных объектов, как элементов сложной вещи).

Примером признания судом совокупности объектов сложной вещью может служить Определение ВС РФ 29 января 2016 г. по делу N А49-448/2015, в котором судом было определено, что спорное имущество, которое в последующем вошло в состав АЗС, является элементом сложной вещи – автозаправочного комплекса, а следовательно, не может быть истребовано, ибо является предметом залога на законных основаниях [6]. Изначально же заявитель был не согласен с выводом суда о том, что в залог передан автозаправочный комплекс. По его мнению, спорное имущество (асфальтовое покрытие и оборудование) не являлись предметом залога.

Таким образом, мы видим, что категория «сложной вещи» является весьма актуальной и, как следствие, имеет место ее применение, в частности, в суде.

Некоторую сложность, однако, составляет тот факт, что действующее гражданское законодательство не дает прямого определения рассматриваемой нами дефиниции и обозначает это понятие, по сути, через перечисление его характерных свойств. Так, из смысла ст. 134 ГК РФ очевидно, что любой сложной вещи присущи следующие черты.

Во-первых, она включает в себя различные, то есть – разнородные, объекты (вещи). Следовательно, «элементы» сложной вещи имеют ряд характерных только для них признаков, что позволяет идентифицировать их среди ряда подобных.

Помимо этого, данный признак позволяет нам исключить из категории сложных вещей совокупности однородных по своей природе объектов. Об этом же упоминает и Е.А. Суханов, указывая на то, что такие совокупности, в принципе, не могут являться самостоятельным объектом гражданских прав «в силу своей неопределенности, как целое» [11, С. 315].

Во-вторых, из рассматриваемой нами статьи ГК РФ следует, что такие вещи (то есть – элементы) физически отделены друг от друга. Кроме того, элементы сложной вещи могут стать самостоятельными объектами гражданского оборота.

Представляется, что это существенное отличие позволяет отграничить сложные вещи от простых, ведь последние, в свою очередь, не только в юридическом, но и в физическом смысле рассматриваются, как нечто единое.

В-третьих, еще один признак заключается в том, что вещи, входящие в состав сложной, обязательно используются по общему назначению, что, соответственно, и обуславливает рассмотрение ее в качестве единого целого лишь с юридической точки зрения.

В-четвертых, можно говорить и о том, что каждая из частей, составляющих сложную вещь, может использоваться самостоятельно по тому же назначению, что и в составе сложной вещи, и при этом не играет применительно к другим частям роль принадлежности. Подобное «постоянство» хозяйственного назначения вещей, как по отдельности, так и в составе единой сложной вещи, может обуславливать очень интересный факт. Так, вероятно, что какие-либо изменения состава сложной вещи могут повлечь за собой либо изменение целевого назначения самой вещи, либо даже привести к установлению совершенно нового гражданско-правового режима для элементов рассматриваемого объекта. Автор полагает – это обусловлено тем, что совокупность разнородных элементов сложной вещи можно расценивать в качестве единого целого только в том случае, когда их можно использовать по единому назначению.

Не исключено также, что сложная вещь может прекратить свое существование в смысле объекта гражданского оборота в то время, как вещи в ее составе сохранят свойство простых вещей и смогут участвовать в обороте как самостоятельные объекты. В пример можно привести раздел такой сложной вещи, как квартира, после чего выделится несколько вещей: жилых комнат и общее коммунальное имущество.

Еще одной чертой сложной вещи можно назвать следующее: ее элементы так расположены в пространстве, что это позволяет их идентифицировать и по этому (территориальному, пространственному) признаку (например, по единому кадастровому номеру, по адресу и т.п.).

Наконец, непосредственно в ГК РФ говорится о том, что при заключении какой-либо сделки в отношении сложной вещи ее действие распространяется на все её элементы, что в очередной раз подтверждает целостность и некую обособленность исследуемого объекта гражданских прав.

Итак, мы можем заметить, что анализ гражданского законодательства в отношении положения о «сложных вещах» не создает особых затруднений в определении

существенных особенностей таких объектов, выделяющих их среди ряда прочих. Однако, что же касается остальных аспектов в контексте о сложной вещи?

Так, гражданским законодательством (ведь, как мы знаем, данному вопросу посвящена лишь одна статья ГК РФ в его Общей части) в общем прямо не регламентировано множество вопросов, связанных с обращением рассматриваемых нами объектов гражданских правоотношений, изменением их состава, правилами делимости сложной вещи т.д.

В частности, о возможности изменения состава сложной вещи нами упоминалось выше. Здесь же следует сказать, что в рамках положения о сложной вещи в гражданском законе, подобные «операции» и их последствия также четко не регламентированы.

Помимо этого, можно отметить, что стандартно правовой режим сложной вещи подразумевает, что сделки, совершаемые в отношении данного объекта, распространяют своё действие на все ее части, без исключения. То есть, в случае указания наименования подобной вещи, по сделке должны быть переданы все ее составляющие. Применение этого положения достаточно часто находит свое проявление в судебной практике. Например, в Постановлении АС Тверской области от 18 июля 2016 г. по делу N А66-1718/2015 «суд первой инстанции правильно установил, что имело место отчуждение сложной вещи по смыслу статьи 134 ГК РФ, в связи с этим невозможно выделение из данного объекта его части, и квалификация ее как недвижимого имущества без учета особенностей объекта в целом. Проданный электросетевой комплекс является сложной вещью, поэтому должен рассматриваться как единый объект гражданских прав» [8].

С одной стороны, это вынуждает субъектов гражданских правоотношений, в случае, когда они решат совершить сделку в отношении лишь части элементов сложной вещи, указывать это в договоре, а с другой стороны - создает благоприятные условия для проявления диспозитивного характера гражданско-правового регулирования в рамках применения принципа свободы договора как одного из основных начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ). Но здесь следует добавить, что это актуально для делимых вещей. Но ведь сложные вещи могут быть и неделимыми, когда раздел их в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения.

Вопрос сложных вещей, которые являются неделимыми, в законодательстве почему-то также решается отдельно в ст. 133 ГК РФ. Причем в ст. 134 ГК РФ, где говорится о сложных вещах, нет никакого указания на то, как именно могут изменяться особенности режима сложной делимой или неделимой вещи.

Кроме того, возникает множество спорных вопросов, связанных с правовым регулированием категории сложных вещей. Например, вопрос о возможности законного признания предприятия (ст. 132 ГК РФ), как имущественного комплекса, сложной вещью. В принципе, вопрос о тождественности этих категорий вызывает значительное количество обсуждений, что указывает, так или иначе, на необходимость его законодательной регламентации.

Рассуждая по этому поводу, мы можем заметить, что нельзя однозначно относить предприятие к категории сложных вещей. Это, прежде всего, обусловлено тем, что законодатель включает в его состав не только материальные (осязаемые) предметы, но также права и обязанности.

Так, в ст. 133 ГК РФ четко указывается на то, что в состав предприятия включаются, помимо имущества, еще и «долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором».[2] Автор полагает, что этот факт препятствует отождествлению рассматриваемых в данном контексте категорий, ведь в этой связи они могут совпадать лишь частично.

Мыслится, что все это обусловило в рамках очередного изменения ГК РФ в 2013 году регламентацию такой гражданско-правовой категории, как единый недвижимый

комплекс (ЕНК). Так, ФЗ от 02.07.2013 N 142-ФЗ "О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" ввел новую ст. 133.1 в подраздел 3 раздела I части первой ГК РФ. [11] Если проанализировать положения данной нормы, можно заметить, что новой на тот момент конструкции присущи признаки, позволяющие рассматривать ЕНК в качестве сложной вещи. Эта позиция находит отражение и в судебной практике.

Например, Пятый арбитражный апелляционный суд признал незаконным отказ в государственной регистрации прав на кабельную линию. При рассмотрении дела был сделан вывод о том, что данное сооружение представляет из себя сложную вещь, прочно связанную с землей, в связи с чем отсутствует возможность его перемещения без несоразмерного причинения ущерба его функциональному назначению.[7]

Также, говоря о проблемах правового регулирования сложной вещи, целесообразно упомянуть и вопросы, затронутые Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации, которая была одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.

Так, в п. 3.1 указанного документа содержится отсылка к проблеме, связанной, в принципе, с понятием вещи, состоящей из частей, которые, в свою очередь, могли бы являться самостоятельными объектами гражданских прав [3]. Несложно проследить, что пробел в законодательстве в этой связи обусловлен отсутствием норм, закрепляющих основания, при которых включение одной вещи в состав другой вещи может означать потерю качеств самостоятельного объекта прав у первой из них.

Во имя решения данной проблемы необходимо дополнить ГК РФ правилами, которые бы определили правовой режим отдельной части сложной вещи и не только. Предполагается, что наравне с этим необходимо регламентировать и процесс замены одних составных частей сложной вещи другими; явление временного объединения самостоятельных вещей, что не влечёт за собой аннулирование прав на соединенные объекты. На данный же момент эти вопросы прямо законодателем не освещаются.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что категория сложной вещи как объекта гражданско-правовых отношений является актуальной и весьма распространенной на современном этапе развития общества и его гражданско-правового регулирования. Именно поэтому практический интерес имеет «идентификация» и выделение исследуемой категории из ряда иных объектов гражданских прав. Это, в свою очередь, возможно посредством вычленения существенных признаков, особенностей сложной вещи из контекста законодательных и доктринальных положений. Разнородность составных частей сложной вещи, но единство их назначения; распространенность сделки на все элементы сложной вещи и т.д. Все это, так или иначе, позволяет отграничить рассматриваемый объект гражданско-правовых отношений от иных вещей. Но в то же время некая «ограниченность» описания сложной вещи в ГК РФ порождает некоторые противоречия и спорные вопросы, решение которых на наш взгляд возможно посредством дополнительной, более детальной правовой регламентации отношений, возникающих при обращении сложных вещей. В данном контексте предполагается необходимость рассмотрения законодателем возможности закрепления гражданско-правовой характеристики части сложной вещи как самостоятельного объекта; регламентация возможного её отделения от сложной вещи, замены одного элемента другим в составе сложной вещи (без существенного изменения её назначения); возможности временного объединения отдельных, самостоятельных простых вещей (без аннулирования субъективных прав по отношению к ним).

1. Аверченко Н.Н. Сложная вещь как объект вещного права // Вещные права: постановка проблемы и ее решение : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут. 2011. С. 70-99.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 13.05.2018)
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12176781/#ixzz5G2ukxIdj/> (Дата обращения: 25.05.2017).
4. Лысенко А.Н. Бестелесные вещи» в гражданском праве: подходы к определению содержания. – 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article118.html> (Дата обращения: 22.05.2018).
5. Мурзин Д.В. Ценные бумаги - бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут., 1998. 176 с. С. 67-90.
6. Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2016 г. N 306-ЭС15-19479 по делу N 306-ЭС15-19479. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/flLitInvKerJ/> (Дата обращения: 18.05.2018).
7. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2012 по делу N А51- 13589/2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/f7f0af26-ff09-4459-b4c7-de68aa1fd728/> (Дата обращения: 18.05.2018).
8. Постановление АС Тверской области от 18 июля 2016 г. по делу N А66-1718/2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/4d212a0a-a039-4535-b276-2791036dbf04/> (Дата обращения: 25.05.2018).
9. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. - §156.
10. Суханов. Е.А. Российское гражданское право: Учебник. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 303, 315.
11. Федеральный закон от 02.07.2013 N 142-ФЗ "О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/ (Дата обращения: 07.05. 2018).

Базылева Г.А, Копылова О.П.

Использование результатов оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в рамках уголовного судопроизводства

*Тамбовский Государственный Технический Университет
(Россия, Тамбов)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-58

idsp: 000001:lj-06-2018-58

Аннотация

В данной статье рассмотрен вопрос использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «опрос».

Ключевые слова: использование результатов ОРД, опрос, информация, оперативно-розыскные мероприятия.

Укрепление правопорядка и борьба с преступностью является одной из общегосударственных задач, требующих принятия комплекса неотложных мер. Отсюда, немаловажное значение придается деятельности правоохранительных органов, в то числе оперативных подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений.

Оперативно-розыскная деятельность играет значительную роль в обнаружении и раскрытии преступлений, она помогает решить задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством.

Практическое проведение оперативно-розыскного мероприятия, такого как «опрос», позволяет выявить граждан, которые могут обладать важной информацией способствующей раскрытию преступления. При этом необходимо учитывать не только практическую сторону проведения опроса, но и теоретические аспекты его осуществления.

Важность осуществления оперативно-розыскных мероприятий заключается в том, что оно не требует изначально санкционирования для его проведения, используется на первоначальном этапе наиболее часто и по существу не влияет на конституционные права

опрашиваемых, что в целом обеспечивает наиболее быстрое поступление оперативно значимой информации, а также способствует возможности быстрого раскрытия преступлений.

Рассмотрим общие для всех ОРМ возможности использования их результатов в уголовном судопроизводстве.

Информацию, полученную в результате проведения ОРМ и ее использование в уголовном процессе, можно классифицировать по следующим основаниям:

1) по значимости для дознания, предварительного следствия или суда: различные данные, содержащие указания на источники судебных доказательств (сведения о лицах, предметах, документах, могущих при соответствующей процессуальной процедуре стать судебными доказательствами); информационные данные организационно-тактического характера (сведения о замыслах подозреваемых, обвиняемых и других участников процесса, которые можно использовать для подготовки различных тактических приемов при опросах лиц, проходящих по расследуемым делам, выдвижении частных версий и др.);

2) в зависимости от возможностей расшифровки источников полученной информации:

результаты ОРМ, источники которых могут быть расшифрованы; результаты, полученные из источников, не подлежащих расшифровке.

3) по внешнему выражению: устные сведения и письменные (документированные в установленной форме); предметы и документы; материальные носители результатов применения различных оперативно-розыскных мероприятий или оперативно-технических средств.

Практическое значение на первоначальном этапе расследования имеет данные полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий со ссылкой на конкретные источники, которым не требуется сокрытие (зашифровка). Поэтому практика их использования при раскрытии преступлений не встречает трудностей. А во втором случае результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий способствуют проверке различных версий органов следствия, по установлению важных обстоятельств имеющих значение для уголовного дела, для выработки общих направлений дальнейшего расследования. Но главной трудностью, в этом случае, остается «легализация» указанной информации в уголовном деле и ее оформление процессуальным путем.

В таких случаях имеет место противоречие между возможностями оперативного подразделения по дальнейшему сокрытию (шифрованию) источника сведений и необходимостью органов следствия оформления результатов оперативно-розыскного мероприятия как доказательства с использованием процессуальных действий, чтобы указанная информация приобрела силу доказательств. Потому соотношение указанных противоречий должно разрешаться в ходе обсуждения указанных действий сотрудниками, как оперативных подразделений, так и следственных органов в каждом конкретном случае, в том числе и по одному и тому же уголовному делу.

Результаты ОРМ «опрос» используются сотрудниками оперативных подразделений по-разному. По сферам их использования имеют четкое распределение между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью. В уголовном судопроизводстве результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляются в орган дознания, начальнику следственного органа, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам (ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД).

Помимо выше названного Закона немаловажную роль для вхождения результатов ОРД в уголовный процесс играет «Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Проанализировав положения данной Инструкции можно увидеть, что результаты ОРД представляются в следующем порядке:

- инициатива органов, осуществляющих ОРД, при наличии у них достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Это является основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК).
- выполнение поручения дознавателя, органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве;
- исполнение требования суда (судьи) о представлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве.

Результаты ОРД, в частности ОРМ «опрос», в соответствии с Инструкцией рекомендуется представлять в виде рапортов или сообщений органов, осуществляющих ОРД.

Если не требуется засекречивание источника информации, то опрос можно легализовать очень просто. Следователь вправе вновь допросить лицо, которому что-либо известно по уголовному делу, составив при этом протокол допроса. А если уголовное дело еще не возбуждено, то можно оформить полученные сведения в объяснение.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. от 11.05.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс]: Интернет версия системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
4. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 27.09.2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. [Электронный ресурс]: Интернет версия системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/
5. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность в раскрытии и расследовании преступлений. – Н. Новгород, 2010. – 317 с.
6. Мищенко Л.В. Об оптимизации процедуры передачи результатов ОРД следователю // Оперативно-розыскная работа: Бюллетень. – 2001. – № 2(161). – С. 72.

Болтышова А.С.

Исполнение приказа как обстоятельство, исключающее преступность деяния

*МГТУ им. Н.Э. Баумана
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-59

idsp: 000001:lj-06-2018-59

Аннотация

Статья посвящена правовому исследованию понятий и принципов, лежащих в основе взаимоотношений между военнослужащими, среди которых особую значимость приобретают отношения командир-подчиненный и их особенности. Поднимается вопрос о юридической оценке действий подчиненного, получившего незаконный приказ командира, и обосновывается мнение о его законодательной недосказанности.

Ключевые слова: исполнение приказа; незаконный приказ; военная служба; принцип единоначалия; обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Abstract

The article examines the terms and principles on which the relations between the military are based. Notable among them is the relationship between commander and subordinates and their characteristics. The question of legality of actions of the subordinate who received the illegal order is raised. The conclusion is that the law is formulated in a vague way.

Keywords: the execution of orders; unlawful orders; military service; the principle of unity of command; the circumstances excluding criminality of act.

Отношения между военнослужащими урегулированы целым перечнем нормативно-правовых актов, среди которых особое место занимает Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее УВС ВС РФ). Но вопреки обилию разнообразного по своей специфике военного законодательства, крайне острым, спорным и слабо освещенным остается вопрос об исполнении или неисполнении незаконного приказа, отданного начальником непосредственному подчиненному.

Как прямо указано в УВС ВС РФ, приказ – это распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненному и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, положение. При этом старшинство определяется воинскими званиями военнослужащих, а принадлежность военнослужащего к категории начальника или подчиненного определяется статьями 35 и 36 УВС ВС РФ.

Сам процесс отдачи и выполнения приказа строится на совокупности заложенных в законодательстве принципов. Так, подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы командира (начальника). Обсуждение (критика) приказа недопустимо, а неисполнение приказа командира (начальника), отданного в установленном порядке, является преступлением против военной службы. Вооруженные силы со времен своего формирования функционируют на базе единоначалия, суть которого заключается в наделении командира (начальника) правом, исходя из всесторонней оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение, а также в возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего.

В то же время командирам (начальникам) запрещено отдавать приказы, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или в противоречии с законодательством РФ. Сам приказ формулируется ясно, кратко и четко без употребления формулировок, допускающих различные толкования. Регламентируя взаимоотношения в сфере военной службы, УВС ВС РФ не содержит упоминания о том, какие действия необходимо предпринять военнослужащему, находящемуся в роли подчиненного и получившему незаконный по форме и/или содержанию приказ. Что в данном случае является правомерным: послушаться приказа, нарушая принцип единоначалия, и столкнуться с перспективой совершения преступления против военной службы или все же исполнить приказ, нарушающий законодательство РФ, и, тем самым, посягнуть на наиболее ценные общественные отношения?

Очевидно, что положения УВС ВС РФ были установлены, исходя из презумпции законности каждого приказа командира (начальника) и соответствия приказа интересам службы. Однако воинская служба не исключает возможности столкнуться с нарушением данной презумпции.

Глава 8 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, наряду с необходимой обороной, крайней необходимостью и т.д., предусматривает исполнение приказа или распоряжения. При этом вся суть являющегося предметом выше обозначенной дискуссии вопроса изложена в законе лаконично и не совсем однозначно. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 42 УК РФ не

является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение. Буквальное уяснение данной нормы рассеивает всякие сомнения и разрешает вопрос об исполнении незаконного приказа в качестве положительного.

Принцип единоначалия определяется, таким образом, главенствующим, а подчиненный обязан беспрекословно, точно и в срок выполнять приказы командира (начальника). Сначала выполнять и только после этого в случае несогласия обжаловать вышестоящему лицу, как и предписывает УВС ВС РФ.

С тем чтобы избежать столкновения интересов военной службы и обязанностей по соблюдению закона на общих основаниях и, тем самым, пресечь возможность оправдания преступных действий подчиненного, п. 2 ст. 42 УК РФ предусматривает привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего умышленное преступление во исполнение заведомо незаконного приказа (распоряжения).

Под заведомо незаконным приказом следует понимать такой приказ, незаконный характер которого был понятен подчиненному в момент его исполнения. Исполнитель приказа, заведомо знающий о незаконности (преступности) приказа и, тем не менее, умышленно его выполняющий, несет уголовную ответственность на общих основаниях.

Исходя из анализа всех терминов и законодательных формулировок, можно вполне обоснованно прийти к следующему выводу: исполнение подчиненным приказа командира (начальника), незаконность которого не была ему очевидна, не должно влечь уголовную ответственность за вред, причиненный охраняемым законом интересам во исполнение такого приказа. И наоборот: уголовная ответственность наступает для подчиненного в случае, когда он осознает очевидную незаконность приказа, прежде всего, по содержанию. Тот факт, что подчиненный выполнял, хотя и заведомо незаконный, но все-таки приказ своего командира (начальника), признается смягчающим обстоятельством (п. п. «е» и «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Лицо, отказавшееся выполнять заведомо незаконные приказ или распоряжение, не может быть привлечено за это к ответственности. Вместе с тем, в среде военнослужащих, где ключевым принципом является беспрекословное подчинение вышестоящему по званию и безукоризненное следование дисциплине, оспорить приказ командира (начальника) осмелится далеко не каждый подчиненный. И в этом есть рациональное зерно, так как функционирование вооруженных сил зайдет в тупик, если разрешить нижестоящим по званию допускать излишние комментарии и сомнения, особенно в вопросах, полной информацией о которых располагает исключительно старшее командование или в ситуации вооруженного конфликта.

Законность действий военнослужащего, на которого распространяется незаконный приказ, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела по правилам об оценке действий обороняющегося от посягательств, не опасных для жизни. Подчиненный должен действовать таким образом, чтобы его действиями был причинен вред меньше того вреда, который наступил бы, если бы он действовал иначе.

Таким образом, окончательная квалификация поведения подчиненного в случае получения им незаконного приказа вышестоящего лица напрямую зависит от судебного усмотрения, что в совокупности со спецификой отношений военнослужащих и сложностью распознавания законности полученного приказа может спровоцировать правоприменительные проблемы.

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт. 2014. 1077 с.
2. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента РФ 10.11.2007 N 1495 (ред. от 22.01.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2007. N 47 (1 ч.). Ст. 5749.

3. Тиханова Н.Е. Проблемные аспекты применения оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. N 1 (32). С. 186-190.
4. Тиханова Н.Е. Условия правомерности необходимой обороны от опасных для жизни посягательств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. N 2-2. С. 199-203.
5. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12. 2015) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 1996. N 25. Ст. 2954.
6. Ушаков Е.Ю. К вопросу о юридической конструкции, связанной с уголовно-правовой оценкой исполнения приказа или распоряжения в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса . 2014. N 4 (27). С. 45-51.

Водяницкий В.А.

Правозащитная деятельность должностных лиц правоохранительных органов

doi: 10.18411/lj-06-2018-60

idsp: 000001:lj-06-2018-60

Необходимая оборона это прежде всего правомерная защита от общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законодательством интересы граждан и государства, путем причинения посягающему вреда при соблюдении необходимых условий.

Необходимая оборона субъективное право человека, то есть он может обороняться, но может и не воспользоваться этим правом. При этом, не использование права на необходимую оборону, может повлечь только моральное осуждение со стороны общества.

Но существует отдельная категория людей, в силу закона или в силу их служебного положения эти лица обязаны заниматься охраной общественного порядка, пресекать совершение преступлений и осуществлять спасение людей и их имущество.

Но правомерные действия этих лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой причинения, состояния необходимой обороны не образуют (применение в установленных законом случаях силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка и др.).

Прежде всего к этим должностным лицам относятся сотрудники полиции, деятельность которых осуществляется по следующим направлениям:

1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; 2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; 3) выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; 4) розыск лиц; 5) производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; 6) обеспечение правопорядка в общественных местах; 7) обеспечение безопасности дорожного движения; 8) государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц; 9) осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

В Российской Федерации создана ведомственная охрана. Ведомственная охрана – совокупность создаваемых имеющими право на создание ведомственной охраны федеральными государственными органами и организациями органов управления, сил и средств для защиты охраняемых объектов от противоправных посягательств. В соответствии с Федеральным законом «О ведомственной охране» основными задачами этого органа является: защита охраняемых объектов от противоправных посягательств; обеспечение на охраняемых объектах пропускного и внутриобъектового режимов;

предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на охраняемых объектах. Полномочия по вневедомственной охране осуществляют войска национальной гвардии.

Ряд других правоохранительных организаций.

Таким образом, в настоящее время правозащитная деятельность должностных лиц правоохранительных органов регламентируется постоянно совершенствующим законодательством, применение которого является условием успешного решения всех поставленных перед ними задач.

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. п. 6. // Российская газета. 3 октября 2012.
2. Федеральный закон от 07. 02. 2011 № 3-ФЗ (ред. от 07. 03.2018) «О полиции» //Российская газета.10.02.2011.
3. Федеральный закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ (ред. от 05.12.2017) « О ведомственной охране». //Российская газета. 20.04.1999.
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». //Российская газета. 06.07. 2016.

Водяницкий В.А.

Защита чести и достоинства путем применения необходимой обороны

doi: 10.18411/lj-06-2018-61

idsp: 000001:lj-06-2018-61

Ст. 21 Конституции Российской Федерации гарантирует охрану государством достоинства личности. Честь и достоинство которые присущи каждому индивиду.

Честь – это общественная оценка личности, определенная мера духовных, социальных качеств гражданина. Она является таким же благом человека, как его жизнь, здоровье и свободы. Человек, дорожащий своей честью, соизмеряет ее своим добрым именем и совестью.

Достоинство – самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения.

Допустимость защиты чести и достоинства путем необходимой обороны является весьма проблематичным, так единого мнения по этому поводу не существует.

Так, И.И. Слуцкий считает, что оборона против словесного оскорбления или оскорбления символическими жестами практически вряд ли возможна, поскольку в этом случае вместо необходимой обороны произойдет драка. По его мнению, «оборона допустима только против тех оскорблений действием, которые одновременно являются посягательствами на телесную неприкосновенность человека».

Другие авторы считают, что честь и достоинство следует защищать без каких-либо оговорок, поскольку в судебном порядке они могут быть восстановлены далеко не всегда. Возможной необходимой оборону против посягательства на честь и достоинство личности не отрицают и другие авторы.

Ярким примером того, что возможность необходимой обороны допускается против оскорблений является решение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Прокопьева.

Прокопьев судом первой инстанции был осужден за хулиганство. Ночью, он совместно с женой, сестрой и другими лицами возвращался со свадьбы домой. На улице села им встретились находившиеся в нетрезвом состоянии Марченко, Глыга и Сафронов. Марченко и Глыга в циничной форме потребовали от Прокопьева «уступить на ночь одну из шедших с ним женщин. Глыга при этом указал на сестру Прокопьева и, подойдя к ней,

стал хватать за руку. Тогда Прокопьев кулаком ударив лицо Глыгу. Марченко и Глыга набросились на Прокопьева и попытались его избить. Прокопьев для того, чтобы не подпустить их к себе, отскочил в сторону и обнажил складной нож, но присутствующие предотвратили драку. Отменяя приговор суда первой инстанции за отсутствием в действиях Прокопьева состава преступления, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР констатировала, что Прокопьев защищая честь и достоинство жены и сестры, действовал в пределах необходимой обороны.

При этом в определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Прокопьева отмечается, что «действия лица, защищавшего честь и достоинство женщины, если при этом не нарушены пределы необходимой обороны, являются правомерными».

Следовательно, нельзя не согласиться с мнением В.В. Орехова, что «необходимая оборона допустима против посягательств на честь и достоинство, если они связаны с посягательствами на телесную неприкосновенность (например, против оскорбления действием) или происходят путем распространения сведений в печатном или рукописном виде (например, против попытки вывесить написанные или напечатанные клеветнические сведения).

1. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М.:2004.
2. Кириченко В.Ф. основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.-Л.: 1948.
3. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.:2003.
4. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л.: 1956
5. Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. М.: 1879.
6. Энциклопедия уголовного права. Т.7. обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб. 2007.

Животова К.О., Фадеев А.В.

Особенности страхования в сфере туристской деятельности

*Башикирский государственный университет
(Россия, Стерлитамак)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-62

idsp: 000001:lj-06-2018-62

Аннотация

Проблема страхования туристов в наше время является достаточно актуальной, так как с каждым годом рынок продаж туристических услуг растет и обеспечение безопасности жизни и здоровья, а также сохранности имущества лиц, отправляющихся за границу, является одной из важных задач в сфере туризма.

Ключевые слова: туристская деятельность; обязательное и добровольное страхование; личное и имущественное страхование; страховой риск; страховой случай, страхование ответственности туроператора.

Выезжая за рубеж, турист в любом случае оказывается в экстремальной ситуации: смена климата, химического состава воды, иной режим питания и множество других перемен автоматически влекут за собой определенную опасность. Существует уже немало случаев причинения вреда и смерти лицам, отправляющимся в путешествие, вреда их имуществу, а также в последние годы значительно увеличились случаи оставления людей в сложной ситуации из-за банкротства туристических фирм, с которыми они заключали договор.

Нормативно-правовое регулирование страхования в сфере туризма состоит из трех звеньев: из Гражданского Кодекса РФ, ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" от 24.11.1996 N 132-ФЗ и Закона РФ от 27.11.1992 N 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации". Также затрагиваются положения Постановления Правительства РФ от 10.08.2016 N 779 "Об утверждении Правил возмещения реального ущерба туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта из денежных средств фонда персональной ответственности туроператора в сфере выездного туризма".

В первую очередь стоит отметить, что страхование в туристской сфере бывает как обязательным, так и добровольным. К числу обязательных видов страхования, согласно действующему законодательству, относятся страхование ответственности туристического оператора и страхование ответственности перевозчика.

Остальные же виды страхования являются добровольными. Среди них можно перечислить такие виды, как: личное и имущественное страхование туриста, компенсационное и сервисное страхование, из которых также выделяются конкретные подвиды страхования, как, например, страхование рисков туристских фирм и организаций, а также медицинское страхование, то есть страхование от несчастных случаев с покрытием медицинских расходов.

Особое внимание стоит уделить страхованию ответственности туроператора, так как в последнее время участились случаи обмана туристов вследствие банкротства первого.

Правовое регулирование данного вида страхования подробно закреплено в 7 главе ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации", но все же имеет некоторые противоречия. На сегодняшний день основными проблемами являются: коллизия норм отраслевого законодательства и норм Гражданского кодекса РФ, применение некорректных способов решения проблем страхования на практике и отсутствие точного определения видов страхования относительно гарантированной защиты обязательств туроператора. И именно наличие немалого количества проблем, возникающих у сторон договора при его реализации с учетом норм законодательства, можно назвать основной особенностью страхования в сфере туризма.

Так, например, даже при наличии договора о страховании ответственности туроператора, реальный ущерб, нанесенный туристам при исчезновении турагента или при ненадлежащем соблюдении им условий договора, возмещен быть не может, так как страхование не покрывает риски, связанные с умышленными или преступными действиями туроператоров и турагентов.

Сотрудничество между туристическим оператором и страховой компанией является одним из важных условий организации туристской деятельности, а для качественной организации необходимо грамотное законодательство.

Таким образом, страхование в туризме является основным элементом обеспечения гарантий, связанных с возмещением ущерба, понесенного туристом в результате нарушения агентами и операторами условий договора, и на данный момент для устранения всех имеющихся проблем и пробелов в данной сфере законодательство нуждается в доработке.

1. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.
2. Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 23.04.2018) "Об организации страхового дела в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.

Митягина Д.А.

Административная ответственность за правонарушения иностранных граждан и лиц без гражданства

*Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-63

idsp: 000001:lj-06-2018-63

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные вопросы, касаемо административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за правонарушения. Особое внимание уделяется причинам совершения правонарушения на территории Российской Федерации иностранными гражданами, а также проблемам реализации наказаний в сфере миграции.

Ключевые слова: миграция, административные правонарушения, конфискация, административное выдворение.

На территории Российской Федерации законодательно установлены и действуют административно-правовые режимы пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства.

Согласно данным Федеральной миграционной службы РФ в январе 2018 было зарегистрировано 3459 случаев совершения правонарушений иностранными гражданами и лицами без гражданства, что на 1,1 % меньше, чем за январь 2017 года. Также возросло количество случаев незаконного въезда иностранных лиц на территорию Российской Федерации, что создаёт реальную угрозу национальной безопасности государства [8].

Изучив последние изменения законодательства РФ, регулирующие отношения в сфере миграции, можно проследить усиление административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, согласно последним поправкам КоАП РФ, увеличились размеры административных штрафов, увеличилось количество видов деяний, существенно расширился субъектный состав правонарушения [3].

Так, за нарушение правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, к ответственности может быть привлечён как работодатель, так и заказчик работ (услуг) [2, с. 18.10].

Из некоторых статей КоАП РФ исключён такой вид наказания, как предупреждение, которое применяется преимущественно к лицам, виновным в совершении незначительных административных правонарушений. Этим законодатель как бы ужесточает административную ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства, оставляя одно административное наказание в виде штрафа, а дополнительным – административное выдворение за пределы Российской Федерации [9].

Конституция РФ закрепляет, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором [1, ст. 62]. Из этого следует, что иностранные граждане и лица без гражданства подлежат административной ответственности на общих основаниях. Исключения составляют дипломатические и консульские представители. Они подлежат ответственности в соответствии с нормами международного права.

Ещё одним видом административного наказания является конфискация орудия совершения или предмета совершения административного правонарушения. Данный вид наказания был введён ФЗ от 28.12.2004 года. Конфискация применяется в качестве дополнительного вместе со штрафом [2, с. 18.1, 18.3].

Административный арест устанавливается за отдельные виды наиболее общественно опасных противоправных деяний. Данный вид наказания заключается в содержании правонарушителя в условиях изоляции от общества под стражей в специальных учреждениях.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2005 года к административному аресту не могут быть привлечены беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до 14 лет, несовершеннолетние и др. лица, перечисленные в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ [5, с. 23].

К числу особых административно-правовых санкций, применяемых к иностранным гражданам, относится административное выдворение за пределы Российской Федерации. Перед рассмотрением дела о назначении такого наказания иностранному гражданину могут быть применены другие виды административных наказаний, такие как доставление, административный арест и т.д.

Выдворение предусматривается в ст. 18.8, ч. 2 ст. 18.1, 18.11 и т.д. В ряде санкций выдворение обозначает дополнительную меру наказания, а в других – дополнительное альтернативное наказание. Примером является Постановление Гурьевского районного суда Калининградской области от 16.11.2017 года гражданин Норматин не покинул территорию РФ по истечению срока пребывания. Суд приговорил гражданина к административному штрафу в размере 2000 тыс. рублей с административным выдворением за пределы РФ [6].

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2005 года выдворение лица из страны, в которой проживают члены его семьи, может нарушать право на уважение семейной жизни, что гарантировано п. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5].

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает, что если иностранный гражданин или лицо без гражданства неоднократно привлекался к административной ответственности в течение года за нарушение режима пребывания на территории РФ или подвергся административному выдворению за пределы Российской Федерации, то это является существенным основанием для отказа в выдаче, либо же аннулирования разрешения на временное проживание либо вида на жительство [4]. Следовательно, у такого лица появляется «административная судимость», которая влечет для него серьезные последствия [7, с. 201].

Таким образом, привлечение к административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства влечёт серьезные правовые последствия. Необходимо дальнейшее совершенствование административного законодательства, а также усовершенствование миграционной политики.

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушения: Федеральный закон от 22.06.2007 № 116-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 26.
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
5. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2005 года № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 6. – 2005.
6. Постановление № 5-254/2017 от 16 октября 2017 г. по делу № 5-254/2017 – [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/TzRIOQCvnllY/>

7. Айметова Ю.И., Федосеев Р.В. К вопросу о мерах административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // XII Державинские чтения в Республике Мордовия материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Саранск: Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 199-201.
8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь 2018 года – [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/12460100/>
9. Федосеев Р.В., Пальчикова М.В., Качалов П.Н., Курлевский И.В. Административное право : практикум. – Саранск, 2017. – 72 с.

Монахова Н.С.

К вопросу о правовом статусе дворянских собраний во второй половине XIX – начале XX века

*Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-64

idsp: 000001:lj-06-2018-64

Аннотация

В данной статье рассматривается правовой статус дворянских собраний во второй половине XIX – начале XX века. Указываются вопросы, относимые к ведению дворянских собраний, а также их права.

Ключевые слова: дворянство, дворянское собрание, дворянская корпоративная организация.

В конце XIX – начале XX века немалую роль в управленческой сфере на уровне уездов и губерний играла дворянская корпоративная организация, в деятельности которой главную роль играли дворянские собрания, которые являлись её главным представительным органом [6, с. 89].

Дворянское собрание представляло собой орган дворянского сословного самоуправления в Российской империи в период 1785-1917 гг., действовавший на уровне уездов и губерний [3].

Участвовать в дворянских собраниях могли все совершеннолетние потомственные дворяне мужского пола, которые были занесены в губернские родословные книги. Также они не должны были состоять на момент проведения собрания под следствием или судом. Но голосовать имели права не все. По всем вопросам, кроме выборов, имели право голосовать те, кто владел недвижимостью в любом размере и виде, а также отвечал минимум одному из следующих условий: имел орден или классный чин, прослужил не менее трёх лет на выборных дворянских должностях или имел аттестат об окончании учебного заведения. Полноправным же членом собрания являлся только тот, кто соответствовал всем названным требованиям и ещё имел определённый доход или владел недвижимостью не менее определённого ценза. Это позволяло голосовать на выборах [4, с. 138].

Дворяне, которые находились под судом или под следствием, подвергались исключению из собрания. За исключение должно было проголосовать не менее двух третей общего числа участников. Принятое решение не подлежало апелляции.

Основное назначение дворянского собрания – проведение совещаний о своих пользах и нуждах, а также назначение «достойнейших» чиновников из дворянства в различные административные и судебные должности [7, с. 2].

Участвовать в дворянских собраниях можно было в трёх формах:

1) присутствовать;

2) при помощи пассивного избирательного права: занимать выборную должность, голосовать за решения, которые принимались собранием. Но право выбирать должностных лиц по коронной и дворянской службе отсутствовало;

3) при помощи активного избирательного права: голосовать за решения, принимаемые собранием, выбирать и быть самим избранным на должности по коронной и дворянской службе [8, с. 103].

В манифесте 1865 года «О порядке Дворянских Собраний, выборов и службы в них» [2] было сказано, что и уездные, и губернские собрания делились на обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные губернские собрания собирались один раз в три года по распоряжению губернатора. Они рассматривали вопросы общего характера: вопросы «нужд и пользы» собрания, избрание кандидатов на замещение должностей в органы дворянского самоуправления, исключение опорооченных дворян из сословной корпорации, сбор в дворянскую казну добровольных взносов. Чрезвычайные, в свою очередь, созывались по мере необходимости по инициативе губернского предводителя дворянства и с разрешения губернатора [5, с. 22].

Следует также отметить, что предметом ведения губернского собрания также являлся контроль за правильным ведением губернской дворянской родословной книги. Её непосредственным ведением занимались губернский предводитель и депутаты от уездов.

Для решения важных вопросов корпорации обладали механизмом связи с местной и верховной властью, который был весьма эффективен. Для решения важных вопросов, входящих в его компетенцию, губернский предводитель имел право обращаться к министру внутренних дел и губернатору, а в некоторых исключительных, особо важных случаях – даже лично к самому императору.

Можно выделить формальные и реальные права членов дворянских собраний. Среди формальных прав можно выделить:

- право иметь помещение для проведения собраний;
- право размещать структуры дворянского самоуправления;
- право иметь секретаря;
- право иметь архив и свою печать.

К реальным правам можно отнести:

- право избрания должностных лиц;
- имущественные права;
- право на ходатайство о своих потребностях и нуждах [8, с. 104].

Также у дворянского собрания имелось право на добровольное и обязательное налогообложение своих членов. Если до середины XIX века налогообложению подвергалась только земля, то с 1970 года налогообложению подвергались и другие объекты недвижимости, в том числе и городские дома.

В заключении хочется отметить, что уездные и губернские дворянские собрания имели достаточно прав. Губернский предводитель в особо важных вопросах даже был вправе обращаться непосредственно к императору. Участвовать в дворянских собраниях могли совершеннолетние дворяне мужского пола, не судимые и не находящиеся под следствием, занесённые в губернские родословные книги. Что касается полноправного участия в деятельности дворянской корпорации, то им обладали немногие, к таковым дворянам предъявлялось немало требований, прежде всего, имущественных. В целом, главное назначение дворянского собрания – проведение совещаний о своих пользах и

нуждах, назначение чиновников на различные должности, а также контроль за ведением губернской дворянской родословной книги.

1. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства от 21.04.1785 г. // ПСЗ-I. – Т. XXII. – № 16187.
2. О порядке Дворянских Собраний, выборов и службы в них: манифест от 06.12.1831 г. // ПСЗ-II. – Т. VI. – № 4989.
3. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 1997. – 790 с.
4. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 года. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
5. Федосеев Р. В., Баршова О. А. Дворянские собрания в Среднем Поволжье во второй половине XIX в. – начале XX в.: компетенция, состав, порядок участия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2017. – Т. 5. – № 33. – С. 21-32.
6. Федосеев Р. В. Дворянское хозяйство Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. – Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2016. – 404 с.
7. Федосеев Р. В., Пальчикова М. В. Права дворян на участие в дворянских собраниях по положению 1831 года // Мир науки и образования. – 2017. – № 3 (11) – С. 5.
8. Шаймарданова А. З. Правовое регулирование деятельности губернских дворянских собраний // Вестник Российского университета кооперации – 2012. – № 3 (9). – С. 103-106.

Петряшова А.А., Ефремов Е.Н.

Гражданско-правовая ответственность малолетних

*Средне - Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-65

idsp: 000001:lj-06-2018-65

Аннотация

В данной статье рассматривается содержание гражданско-правовой ответственности малолетних. Предоставляется характеристика основаниям наступления гражданско-правовой ответственности. Рассмотрены категории лиц, которые отвечают по обязательствам малолетних граждан. Сформулированы предложения по модернизации и дальнейшему развитию законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, усыновители, несовершеннолетние, родители, законные представители, дееспособность, обязательства вследствие причинения вреда.

Abstract

This article discusses the content of civil liability of minors. The characteristic to the bases of approach of civil liability is provided. Considered category of persons which are liable for obligations of young citizens. The proposals on modernization and further development of the legislation in this sphere are formulated.

Key words: civil liability, adoptive parents, minors, parents, legal representatives, legal capacity, obligations due to harm.

Дееспособность как способность гражданина вступать в гражданские правоотношения, самостоятельно заключать сделки, нести по ним бремя ответственности возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия — 18-летнего возраста (ч. 1 ст. 21 ГК РФ). Законодатель определяет, что по сравнению со взрослыми гражданами, права, а главное, обязанности несовершеннолетних, ограничены, что обусловлено их

неполной дееспособностью, которая непосредственно связана с волей индивида, и по мере формирования личностных качеств в процессе взросления ее объем увеличивается, достигая максимума с наступлением совершеннолетия [2].

Гражданское законодательство выделяет три категории несовершеннолетних граждан: первая представлена малолетними в возрасте до 6 лет, вторая — малолетними в возрасте от 6 до 14 лет и, третья — несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Этим группам законодатель устанавливает разный объем содержания как сделкоспособности, так и деликтоспособности.

Малолетние в возрасте до 6 лет в науке гражданского права признаются «недееспособными», «недееспособными абсолютно», «лишенными дееспособности», «абсолютно недееспособным в силу незрелости психики». Малолетних в возрастной группе от 6 до 14 лет называют лицами с «исключительной дееспособностью», «частично дееспособными», субъектами с «неполной частичной дееспособностью», недееспособными «с исключениями».

Объем дееспособности малолетних определяется законодательством следующим образом. У малолетних в возрасте до 6 лет отсутствует сделкоспособность в полном объеме, а, следовательно, и деликтоспособность. Малолетние в возрасте от 6 до 14 лет вправе самостоятельно совершать ряд сделок, закрепленных пунктами 1–3 части 2 статьи 28 ГК РФ. Все остальные юридически значимые действия в сфере гражданского оборота за несовершеннолетних совершают их родители, усыновители или опекуны. К сделкам этих лиц применяются правила, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 37 ГК РФ [1].

Таким образом, большинство сделок имущественного характера от имени малолетних заключают их законные представители. Сделки, в которые вправе вступать сами малолетние, не несут существенного имущественного ущерба, причем эти сделки совершаются с одобрения законных представителей. Родители, усыновители и опекуны призваны осуществлять контроль за тем, как принятые обязательства исполняются малолетними, и отвечают перед контрагентом ребенка, если этот контроль был недостаточным. В силу неполной дееспособности именно на законных представителях возлагается исполнение обязанностей по сделкам детей.

Правовые последствия заключения сделок малолетними установлены частями 1 и 2 ст. 172 ГК РФ: ничтожна сделка, совершенная малолетним. К такой сделке применяются правила, предусмотренные абзацами 2 и 3 ч. 1 ст. 171 ГК РФ. Однако, в интересах ребенка совершенная им сделка может быть признана судом действительной, если она совершена к выгоде малолетнего.

К деликтным отношениям, возникающим вследствие причинения вреда несовершеннолетними, применимы общие принципы гражданско-правовой ответственности. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме причинителем такого вреда (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ); к способам защиты гражданских прав относят возмещение убытков и компенсацию морального вреда (ст. 12 ГК РФ); под убытками понимаются все виды расходов, включающие как реальный ущерб, так и упущенную выгоду (ч. 2 ст. 15 ГК РФ) [1].

Условиями, при которых лицо подлежит гражданско-правовой ответственности, выступают: наличие вреда (убытков), противоправность действия или бездействия причинителя вреда, вина нарушителя, а также причиненная связь между противоправным деянием и наступившими последствиями. Характеризуя вред, причиненный малолетним, Гражданский кодекс РФ имеет в виду любую его разновидность: причиненный как

имуществу, так и жизни или здоровью; моральный вред; в отношении одного или нескольких лиц; причиненный одним или несколькими малолетними; потерпевшим может выступать как гражданин, так и юридическое лицо.

Содержание понятия «вина» в гражданском праве принципиально отличается от аналогичного понятия, применяемого в других отраслях права. По мнению Е. А. Суханова, вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица (нарушителя) к своему поведению, а как неприятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных последствий своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации и характером лежащих на нем обязанностей [6].

Из смысла положений законодательства, следует, что предполагается вина законных представителей за действия ребенка. Как считает К. Н. Сапрыкин, «это объясняется тем, что на законных представителей возлагается обязанность не только по имущественному содержанию ребенка, но и его воспитанию, развитию, следовательно, они обязаны следить за его действиями и не допускать причинения малолетними вреда третьим лицам» [5].

Сам факт причинения ребенком вреда характеризует ненадлежащее исполнение законными представителями своих обязанностей, что нарушает права ребенка, предусмотренных статьями 54 и 148 СК РФ: право на заботу, на воспитание, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. Форма вины для возложения бремени ответственности на обязанное лицо значения не имеет, поскольку ответственность носит материальный (денежный) характер, и потерпевшему либо кредитору все равно, в результате какого — умышленного или неосторожного деяния — был причинен вред. Возможность родителей и лиц, их заменяющих доказать, что вред причинен не по их вине, означает признание их действий положительным, правомерным поведением, «абстрактной моделью ожидаемого поведения в той или иной ситуации», а самих лиц — разумными и добросовестными участниками имущественного оборота [7].

Как следует из абз. 2 ч. 1 ст. 410 ГК РФ, «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, если оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства».

В составе гражданского правонарушения специфику приобретает как сам субъект деяния, так и лицо, ответственное за его поведение. Субъектом является ребенок, объем дееспособности которого сокращён. Однако, малолетние признаются «неделиктоспособными лицами, т. е. лицами, не способными отвечать за причиненный ими вред». Ответственность по обязательствам малолетних целиком и полностью возлагается на родителей, усыновителей и опекунов (ч. 3 ст. 28 ГК РФ).

Определим, кто конкретно может выступать такими лицами. Во-первых, родители малолетнего. Они являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (п. 2 ч. 1 ст. 64 СК РФ). Из ст. 47 Семейного кодекса РФ вытекает, что права и обязанности родителей основываются на происхождении детей, удостоверенном в законном порядке. Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (ч. 1 ст. 61 СК РФ). Ограничение или лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности по содержанию ребенка (ч. 2 ст. 71 и ч. 2 ст. 74 СК РФ).

Во-вторых, к лицам, на которых возлагается обязанность возместить вред или ответить по обязательствам малолетнего, относят усыновителей. Ими могут быть совершеннолетние лица обоего пола, отвечающие требованиям статьи 127 СК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 137 СК РФ после усыновления они обретают родительские права и обязанности в полном объеме. По общему правилу, усыновленные дети утрачивают личные неимущественные и имущественные права и освобождаются от обязанностей по отношению к своим кровным родителям (своим родственникам). Права и обязанности усыновителя и усыновленного ребенка возникают со дня вступления в законную силу решения суда об усыновлении ребенка (ч. 3 ст. 125 СК РФ) [7].

В-третьих, опекуны. Опека над несовершеннолетними устанавливается в следующих случаях: при отсутствии у малолетних родителей, усыновителей; лишении судом родителей родительских прав; когда дети по иным причинам остались без родительского попечения, например, при Уклонении родителей от воспитания либо защиты прав и интересов детей (ч. 3 ст. 31 ГК РФ). В законодательстве установлено правило, что у каждого гражданина, нуждающегося в установлении над ним опеки может быть только один опекун, причем одно и то же лицо, как правило, может быть опекуном только одного гражданина. [1]

Разновидностью опеки является патронатное воспитание как форма устройства ребенка, нуждающегося в особой заботе государства. Права и обязанности патронатного воспитателя согласно договору о передаче ребенка на патронатное воспитание приравниваются к правам и обязанностям, установленным федеральным законодательством для опекунов (попечителей) и возникают с момента заключения соответствующего договора [3].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судам гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» определено, что в случае причинения вреда малолетним (в том числе и самому себе) в период его временного нахождения в образовательном учреждении (например, в детском саду, общеобразовательном школе, гимназии, лицее), медицинской организации, осуществлявших за ним в этот период надзор, либо у лица, осуществлявшего надзор за ним на основании договора, эти организации или лицо обязаны возместить причиненный малолетним вред, если не докажут, что он возник не по их вине при осуществлении надзора [4].

Степень вины родителей, усыновителей, опекунов, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей зависит от характера их отношений по воспитанию и должному надзору за малолетними. И граждане, и соответствующие организации будут нести ответственность, если с их стороны имело место безответственное отношение к воспитанию и неосуществление должного надзора за малолетними: попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие внимания и т. п. Пределы ответственности определяются судом исходя из обстоятельств дела, с возможным привлечением в качестве соотечественников законных представителей ребенка. Вред будет возмещаться по принципу долевой ответственности в зависимости от степени вины каждого.

Исходя из этого можно сделать вывод, что гражданское законодательство исходит из признания особой защиты прав малолетних. Их сделкоспособность и деликтоспособность предопределены объемом дееспособности. Родители, усыновители, опекуны несут ответственность по сделкам малолетних, в том числе по обязательствам,

возникающим вследствие причинения вреда. Следовало бы частично ограничить полную ответственность приемных родителей, патронов, законодательно приравненных к опекунам с момента заключения соответствующих договоров. А также рекомендуется закрепить солидарную ответственность родителей за вред, причиненный их малолетними детьми, указав об этом в п. 1 ст. 1073 ГК РФ.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994
2. Гражданское право. Т. 1.: Учебник / Под ред. Г. Н. Черничкиной. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. — С. 45–46.
3. Гражданское право: учебник / под общ. ред. М. В. Карпычева, А. М. Ху-жина. — М.: ИНФРА-М, 2014. — С. 38.
4. О применении судам гражданского законодательства, регулирующего от-ношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 // Российская газета. — 2010. — 5 февраля. — № 24.
5. Сапрыкин К. Н. Ответственность законных представителей по граждан-скому и семейному законодательству РФ: монография / К. Н. Сапрыкин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — С. 69.
6. Суханов Е. А. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право: в 2 т. Т. 1: Учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — С. 449.
7. Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017)

Семенова В.А., Караваев И.В.

Принципы содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых

*Академии ФСИН России
(Россия, Рязань)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-66

idsp: 000001:lj-06-2018-66

Аннотация

В работе рассматриваются принципы, на которых строится реализация меры пресечения в виде заключения под стражей. Автор исследует шесть базисных принципов закрепленных в законе, анализирует их воплощение в законодательстве и практике.

Ключевые слова: Содержание под стражей, принципы, подозреваемые и обвиняемые, законность, справедливость, презумпция невиновности, гуманизм, равенство перед законом, уважение достоинства.

Ст. 4 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее - Закон) закрепляет 6 принципов содержания под стражей, в качестве которых определены: 1. Законность; 2. Справедливость; 3. Презумпция невиновности; 4. Равенство всех граждан перед законом; 5. Гуманизм; 6. Уважение человеческого достоинства [3, с.51].

Необходимо отметить, что ранее, до внесения изменений в ст.4 Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ, принципов было четыре и такие принципы как справедливость и презумпция невиновности отсутствовали. Безусловно, данные принципы лишь формально отсутствовали в Законе, их отсутствие совершенно не означало, что содержание под стражей не подчинялось требованиям справедливости и в отношении лиц, содержащихся под стражей, не действовала презумпция невиновности. Однако то, что эти два весомых принципа отсутствовали в Законе не может не вызывать озабоченности. Рассмотрим, что означают принципы, закрепленные в Законе.

Принцип законности. Данный принцип в первую очередь проявляется в том, что содержание под стражей происходит исключительно в рамках норм, закрепленных в Законе или норм, закрепленных в ведомственных нормативных актах, но при этом сам

Закон позволяет это сделать. Например, ст. 16 Закона (Внутренний распорядок в местах содержания под стражей) закрепляет: «в целях обеспечения режима в местах содержания под стражей... утверждаются Правила внутреннего распорядка в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Принцип справедливости. Справедливость при содержании под стражей означает, что все ограничения, налагаемые на подозреваемых и обвиняемых, все происходящие процессы и проводимые режимные мероприятия в местах содержания под стражей должны быть исключительно вследствие решения задач, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. В качестве таких задач выступают: 1) исключение возможности подозреваемому или обвиняемому скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; 2) исключение возможности подозреваемому или обвиняемому продолжить заниматься преступной деятельностью; 3) исключение возможности подозреваемому или обвиняемому угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ст.97 УПК РФ).

Принцип презумпции невиновности. Данный принцип толкуется в самом Законе. Ст. 6 определяет, что «подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Они пользуются правами и свободами и несут обязанности, установленные для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами».

Принцип равенства всех граждан перед законом. Данный принцип также раскрывается в ч.3 ст.6 Закона, где определено, что не допускается дискриминация подозреваемых и обвиняемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по иным обстоятельствам.

Принцип гуманизма. Гуманизм означает признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага [1, с.109]. Поэтому содержание под стражей не должно иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Принцип уважения человеческого достоинства. На наш взгляд данный принцип фактически повторяет принцип гуманизма рассмотренный нами выше, поскольку гуманизм как раз и подразумевает уважение человеческого достоинства, что следует, например, из ч.2 ст.7 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Необходимо отметить, что, несмотря на название ст. 4 – Принципы содержания под стражей, в тексте статьи помимо самих принципов говорится также и о том, что является основой для законодательства, регламентирующего содержание под стражей: принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации. Также в статье декларируется норма о том, что содержание под стражей не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащимся под стражей.

На наш взгляд, наличие в ст. 4 вышеуказанных норм не совсем оправдано, поскольку идея, что принципы и нормы международного права, а также международные договоры являются составной частью правовой системы нашего государства провозглашена в ч.4 ст.15 Конституции РФ и не требует дублирования. В свою очередь, норма, запрещающая пытки и т.д. фактически повторяет провозглашенные выше принципы справедливости и гуманизма.

В ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации закреплены принципы уголовно-исполнительного законодательства, в числе которых помимо

рассмотренных также есть принцип демократизма. Данный принцип выражается в участии органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в контроле за деятельностью мест содержания под стражей; учете общественного мнения в вопросах, связанных с совершенствованием уголовно-исполнительного законодательства и деятельности мест содержания под стражей; обеспечении объективной информацией граждан и общественных объединений о реальных условиях содержания под стражей [2, с.25]. Поэтому, представляется целесообразным включение принципа демократизма в перечень, закрепленный в ст.4 Закона.

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая рос. энциклопедия, 1998. – 1450 с.
2. Гришко А.Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном права // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 23-27.
3. Караваев И.В. Отраслевая принадлежность норм, регламентирующих процесс исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Киров, 26-27 октября 2017 г.) 2017. С. 49-53.

РАЗДЕЛ XIV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Кузьмина О.Д.

К вопросу о врожденных и приобретенных знаниях в идеях Конфуция об управлении

*Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-67

idsp: 000001:lj-06-2018-67

Аннотация

В статье анализируются аспекты управленческих идей Конфуция, выявляется взаимосвязь между обучением как источником знаний и управленческой деятельностью. Управленческие идеи Конфуция, напрямую взаимосвязанные с «учением» и «знанием», являются особенно актуальными для современной системы образования в целом.

Ключевые слова: философия, управление, этика, политика, идеология, ритуал, общество.

Abstract

The article is based on the Chinese study sources of the philosopher, teacher and politician Confucius, there is an analyze of aspects of managerial ideas, also four types of people, with their own attitude of knowledge and the connection between learning as a source of knowledge and management activity. Confucius's managerial ideas that directly related to teaching and knowledge are especially relevant for the whole modern education system.

Key words: philosophy, management, ethics, politics, ideology, ritual, society

Во время периода Чуньцю (771 год до н. э. - 476 год до н. э.) Китай являлся раздробленным государством, где существовали такие сильные царства как: Инь, Ци, Чу, Цинь, которые боролись между собой за право управления государством. Процесс формирования материально-бытовой культуры к этому времени завершился [3], но вокруг царств находились враждебные племена: ди (северные племена), и (восточные племена), мань (южные племена), жун (западные племена), считавшиеся «варварами» [6]. Ввиду раздробленности государства внутри Древнего Китая не существовало безграничной власти вана, что представляло опасность для страны от варваров, именно поэтому князь Чжуан-гун из Чжэн (743 до н. э. — 701 до н. э.) установил систему помощников управителя – систему гегемонов. Хотя и система была создана с целью защиты государства от варваров, но именно создание этой системы стала причиной укрепления позиций сильных царств. Именно после реформы системы управления Древний Китай нуждался в централизации государства. Выдающаяся роль Конфуция в историческом развитии Китая заключалась в том, что, выдвинув социально-этическую концепцию, соответствующую новому классовому состоянию общества, он сумел сохранить представления об общечеловеческих ценностях и внедрить их через ритуал [7] в сознание людей, которые уже начали делиться по имущественному принципу. [3] Следовательно, можно утверждать, что суждения Конфуция шли в ногу со временем и были необходимы от данного этапа развития государства. Позднее, актуальность идея Конфуция превратит конфуцианство в ведущую идеологию, тексты станут каноническими [8], а его ценности сформируют китайское этносознание [2].

Главная мысль конфуцианства в том, что любой человек, занятый в системе управления, от императора до самого мелкого чиновника, должен стремиться к моральному совершенству. [4] В управленческих идеях Конфуция (孔子) существует 4

вида людей с отношением к знанию: обладающие врожденными знаниями (知); те, кто приобретает знания благодаря учению (学); те, кто приступает к учению, встретившись с трудностями; и те, кто, встретившись с трудностями, не учатся. «Кун-цзы сказал: Те, кто обладает врожденными знаниями, стоят выше всех. За ними следуют те, кто приобретает знания благодаря учению. Далее следуют те, кто приступает к учению, встретившись с трудностями. Те же, кто, встретившись с трудностями, не учатся, стоят ниже всех». Сам Конфуций больше всего почитает «обладающих врожденными знаниями», также полагая, что обладание способностью понимания решений руководителя – это свойство, данное человеку с рождения, обладающее «первичностью» [5]. Философ ставит на первое место обладающего подобными свойствами благородного мужа (цзюнь-цзы), как носителя истинных добродетелей, но при этом подчеркивает, что даже среди императоров немало тех, кто не относится к «обладающими врожденными знаниями». Именно поэтому «учение» становится столь важным для управления, это единственный ресурс, которым обладают в управленческой среде те, кто не относится к «обладающим знанием с рождения». Такого рода управленцам необходимо учиться не только у тех, кто выше их по уровню знаний, но и у тех, кто ниже, поскольку даже негативный опыт, свой и чужой, дает возможность совершенствоваться в управленческой практике. Китайский историк Лю Юньбо полагает, что именно идея о том, что всякое приобретаемое знание ценно, окупает наполненные чрезмерной субъективностью идеи философа о необходимости обладания врожденными знаниями [9].

Распространение конфуцианства сегодня – важный показатель «живучести» конфуцианских идей, их возможной применимости в современной управленческой практике и сегодня.

1. Безродная И. В. Актуальность идей Конфуция в современном образовании и формировании экологического сознания // Сервис Plus. – 2012 – №2
2. Кобжицкая О.Г. Роль конфуцианства в формировании личностно-психологических особенностей китайцев // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы V международной научно-практической конференции (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 18-23 мая 2015 г.). Ответственные редакторы Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск: БГПУ, 2015. С. 367-369.
3. Кремнёв Е.В., Макеева С.Б., Кузнецова О.В. Регионоведение и этнология стран АТР: грамматологическая этимология как метод изучения материально-бытовой культуры древних китайцев // Sciences of Europe. 2017. № 13-1 (13). С. 45-51.
4. Лейченко О.Ф. Политическое лидерство в трудах китайских философов // Концепт. – 2014 – №10
5. Смолова Д.М., Шаравьева И.В. Феноменологические категории «первичность», «вторичность», «третичность» как базовые когнитивные структуры // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 4. С. 137-141.
6. Стефановская С.В. Знак ху «胡» в семантическом и лингвокультурологическом аспектах // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.): Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 191-204.
7. Терехова Н.В. Ритуал ли как форма семиотизации китайского социокультурного пространства (на материале древних канонных) // В книге: Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции (Москва, 16-18 октября 2013 г.). М.: ИДВ РАН, 2013. С. 428-429.
8. Шишмарева Т.Е. Некоторые аспекты каноноведения в Китае // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 155-161.
9. Янгутков Л.Е. Религиозные аспекты конфуцианства в социокультурном и политическом контексте традиционного китайского общества // Учёные записки ЗабГУ. – 2014. – № 4
10. 刘云柏.中国古代管理思想史.上册.陕西人民出版社.1997年.588页

РАЗДЕЛ XV. ИСТОРИЯ

Морозов А.И., Школьников Л.Е., Валинуров Р.Р.

Исторические аспекты наследия античных Олимпийских игр

*Набережночелнинский государственный педагогический университет
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-68

idsp: 000001:lj-06-2018-68

Аннотация

В статье рассматривается проблема становления и развития наследия Олимпийских зимних Игр прошедших в Пхёнчхане. Выделены основные направления наследия Олимпийских зимних Игр. Проведен анализ направлений развития наследия Олимпийских зимних Игр.

Ключевые слова: наследие, античные олимпийские игры, Олимпия, история, процесс.

Олимпийские игры проводились с 776 г. до н.э. до 394 н. э. каждые четыре года в Олимпии. Они стали неотъемлемой частью образа жизни и культурного наследия Греции. Их значимость по сравнению с другими встречами и конкурсами между городскими поселениями была настолько велика, что четырехлетний период между играми назывался олимпиадой и служил хронологическим методом. В этот период спортсмены готовили себя физически, морально и духовно, чтобы достичь вершины своих способностей во время выступления на Олимпийских играх. Победа на Олимпийских играх была самой высокой честью для спортсменов и их города. Победителями в Олимпийских играх считались герои.

Палестры и гимназии, которые выступали в роли не только спортивных, но и учебных заведений, были найдены археологами практически в каждом городе, рядом с храмами и базарами. Сократ, Аристотель и многие известные философы древней Греции преподавали в гимназии, а Платон сам был выдающимся спортсменом.

Молодых людей обучали искусству, философии и музыке. В то же время они совершенствовали физически свое тело в стремлении к идеалу добродетели и красоты - «калогатия». Подобным образом они культивировали дух честной конкуренции и спортивного мастерства, стремясь достичь гармонии во всем.

Огромное количество спортсменов, философов, политиков, художников, поэтов со всей Греции специально планировали путешествие в Олимпию, чтобы увидеть Игры своими глазами. Защита спортсменов и зрителей во время их тяжелого путешествия была гарантирована святым перемирием, когда все боевые действия и войны прекратились. Олимпия во время проведения игр рассматривалась как священное место, в котором формировались идеалы мира, свободы, равенства и взаимного уважения.

Первые исторические данные об этом великом религиозном и спортивном застолье в Олимпии относятся к началу VIII века до н.э. С . В 884 году, согласно древним источникам, король Ифитос из Элиды, законодатель Ликургес из Спарты и тиран Клеофенс из Писсы подписали соглашение, согласно которому святилище было бы неприкосновенным, и все войны прекратились во время фестиваля. Это соглашение было названо «Экехирия» (перемирие) и обозначила всю Элиду и святилище Олимпии как священные и неприкосновенные. Нумерация олимпиад началась с 776 г. до н.э., поскольку до этой даты не было известно имена победителей. Постепенно Игры в Олимпии стали самым важным событием для всей Греции, а Олимпия стала крупнейшим спортивным центром.

На протяжении многих лет на играх состязались только в одном виде - «стадий» (1 стадион = 192 м). Дополнительные события были добавлены в 724 до н.э. далее: «раса diavlos» (2 стадия), «dolichos» (24 стадия), борьба, пятиборье (708 г. до н.э.), бокс (688 г. до н.э.), гонки на колеснице, панкратион (648 г. до н.э.), конные виды спорта, соревнования мальчиков и т. д. Не менее старыми, по-видимому, были «Heraea» - спортивные соревнования для молодых женщин. Призы были полезными подарками изначально, но с 752 до н.э. стали награждать специальным венком «kotinos», то есть дикой оливкой ветвью. Игры управлялись Элладотиками, видными людьми Элиды, которым помогали алайтаи. Сначала программа Игр была рассчитана на один день, но после добавления дополнительных видов состязаний, продолжительность была увеличена до пяти дней - три дня для соревнований, а в первый и пятый день - для церемоний и жертвоприношений. Слава Олимпии жила около 1200 лет и была настолько велика, что побудила известного поэта Пиндара написать: «Так же, как нет ничего более сильного или более яркого, чем свет солнца, так что нет никакого соревнования, которое больше или более блестящий, чем тот, который был в Олимпии».

Профессионализм, стремление к материальным благам и значительная эмансипация игр от религиозного господства и нарушений перемирия уже появились к концу V века до н.э. Тем не менее, игры продолжали проводиться под властью святилища Олимпии, и олимпийская победа все еще была самой важной вехой в жизни спортсмена.

Когда Греция была включена в Римскую империю (27 г. до н.э.), игры были открыты для римских чиновников, даже императоров, и в конечном итоге для всех граждан огромного государства. Среди олимпийских победителей зафиксированы египтяне, испанцы, сирийцы, армяне и другие, а это значит, что Игры в Олимпии приобрели международный масштаб.

В 394 н.э. Олимпийские игры были запрещены по приказу римского императора Феодосием II, однако благодаря Пьеру де Кубертену Олимпийские игры были возрождены в Афинах в 1896 году и на сегодняшний день являются главным международным спортивным событием.

1. Chappelet, J.-L. (2012). Mega sports event legacy: The case of Innsbruck. Paper presented at the 4th International Sport Business Symposium, Innsbruck, Austria. Retrieved January 14, 2015,
2. Международный Олимпийский академия [Электронный ресурс] : the legacy of ancient olympic games : офиц.сайт URL: <https://ioa.org.gr/the-legacy-of-ancient-olympic-games> (дата обращения: 15.06.2018).

РАЗДЕЛ XVI. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бабаджанова М.М., Ибодова Т.

**Взаимодействие и сотрудничество культур Востока и Запада:
гуманистический подход***Российско-Таджикский (Славянский) университет
(Республика Таджикистан)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-69

idsp: 000001:lj-06-2018-69

Abstract

The article deals with the problems of interaction between East and West. The interrelations, cooperation, intercultural relations and dialogue of the peoples of various countries of these regions are analyzed; preservation of their identity through the prism of a humanistic approach.

Key words: East, West, intercultural dialogue, cooperation, culture, humanism.

Разделение культур на западные и восточные – это не только их географическое расположение. Под этим подразумевают и различную ментальность народов, населяющих эти территории. Это означает различие в характеристике способов и методов познания мира, научных, религиозных, художественных, эстетических и духовных ценностей, основных мировоззрений, общественно – экономических и политических структур.

На рубеже второго и третьего тысячелетий все более очевидным становится то, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Этот процесс охватил различные сферы общественной жизни всех стран мира. Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и более широкой общественной среды, существующей в отдельных регионах и в мире в целом. Это выразилось в бурном росте культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами разных стран и культур. Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным вопрос о культурной самобытности и культурных различиях. Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы находят все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Эта тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, состоящую в том, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте этих тенденций общественного развития становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания.

Широкий диалог, который постоянно идет в культуре, осуществляется на основе циркуляции в общественном сознании различных идей, мировоззренческих и ценностных установок. Основной результат культурного диалога: естественное перетекание идей, их взаимовлияние, усвоение или отторжение, понимание партнера или противника.

В узком смысле под диалогом понимается особый вид коммуникаций, который строится по модели речи, разговора, чередования вопросов и ответов. Это не просто

полифония голосов, а разговор на равных, особый способ достижения понимания и согласия.

В более широком и содержательном смысле понятие диалога распространяется на культуру в целом (диалог как бытие культуры, встреча культур, взаимопонимание культур). В этом смысле диалог понимается как аспект социокультурного общения, содержание творчества, особая характеристика разума, принципиально отличающая его от "познающего разума" нового времени. В этом понимании диалогу противостоит не просто монологичность разговора, а превращение собеседника в объект манипуляций, происходит технократическое отношение к миру как к предмету.

Диалог культур всегда объединяет множество участников и осуществляется на нескольких уровнях: внутри – и межэтническом, внутри – и межконфессиональном, внутри – и межличностном.

Реальное содержание диалога зависит также от конкретных типов культуры, на основе которых этот диалог осуществляется (общества закрытые – открытые, традиционные – модернизированные и т.д.).

Реалии собственно межкультурного диалога – это, прежде всего совместимость базовых установок контактирующих культур, степени внутренней диалогичности конкретного культурного самосознания, соотношение его открытости и закрытости, космополитизма и охранительности, а также допускаемая традицией роль личности как самостоятельного субъекта диалога. Чем выше совместимость и диалогичность ценностных структур культур, тем шире и продуктивнее их диалог, тем сильнее их взаимовлияние. В реальном процессе диалога культур большое значение имеет также его ситуативная сбалансированность: как проводника чужих ценностей, с одной стороны, и барьера на пути распространения тех ценностей, которые не способны органически взаимодействовать с местными. Сбалансированность диалога зависит от устойчивости и целостности культурного самосознания, воли культуры к сохранению своих базовых ценностей в качестве общезначимых.

Взаимодействие культур в современном мире приобретает все большее значение, и проблема диалога культур становится актуальной.

Если культуры отличные друг от друга вступают в диалог, тогда он имеет смысл. Предпринимаются усилия, в ходе диалога, по пониманию смыслов, ценностей, языка другой культуры. Такой диалог взаимообогащает культуры. Диалог обеспечивает и разность культур.

В мире существует множество различных культур, каждая из которых способна внести свой вклад во всемирную историю. Нельзя превозносить одни культуры как наиболее ценные и развитые, а другие считать как периферийные и исторически не значимые. В общественной мысли постепенно созревала идея равноправия культур. Сначала возникло представление, что Запад (Европа) есть лидер среди других культур. Она должна быть образцом культуры для всего мира. В 60-е годы прошлого столетия свое влияние усилила мировоззренческая установка (востокоцентризм). Согласно этой установке не Запад, а именно Восток является центром мировой культуры и цивилизации. В принципе, такая постановка вопроса о наиболее значимой культуре неправомерна. Различение Запада и Востока в литературе не единственное в выявлении типов культур, но оно является одним из самых фундаментальных и интересных.

Запад и Восток – это не только география, это разные исторические судьбы стран и народов, разные социокультурные особенности.

Американский ученый Д. Фейблмэн в книге «Понимание восточной философии. Популярное мнение западного мира» писал о следующих трех отличиях «человека Запада» от «человека Востока»:

1. «На Западе человек, исповедующий иудаизм или христианство, боится, что душа не бессмертна, но хочет, чтобы она была бессмертной. «Хинду – буддист», напротив, опасается, что душа бессмертна, и хочет, чтобы она не была бессмертной.
2. Человек Запада постоянно стремится все более утвердить себя, умножить свои знания. Человек Востока надеется потерять себя, забыть о своих знаниях, уйти в небытие, раствориться во Вселенной.
3. Западный человек хочет контролировать свое окружение, среду, т.е., внешнее по отношению к нему; его духовные потенции нашли воплощение в науке.

Восточный человек предпочитает контролировать самого себя; его духовный потенциал реализуется в религии» [9].

Можно выделить некоторые социокультурные характеристики Запада и Востока, опираясь на четыре критерия.

1) Характер связи «человек – общество».

На Западе ярко выражен антропоцентризм. На первом плане – индивидуальность, автономность личности. Государство необходимо постольку, поскольку обеспечивает существование «атомизированного» человека. Общество носит открытый характер.

На Востоке приоритет отдается обществу, коллективу. Автономность личности – слабо выражена, государство выступает как всевластный институт, а общество отличается закрытостью от внешнего мира.

2) Социально-психологические установки.

На Западе культивируется активное отношение к существующему, неудовлетворенность настоящим, уже достигнутым, неустанный поиск нового. Поддерживается уверенность в том, что новое всегда лучше старого.

На Востоке доминирует созерцательное отношение к миру. Восточный человек предпочитает довольствоваться тем, что есть. Больше всего ценится уравновешенность и гармония. Господствует представление, что новое и старое должны уравновешивать друг друга.

3) Черты духовности как ценностного содержания сознания.

На Западе торжествует рациональность, стремление к познанию мира. Выработывается формула: «Я мыслю, следовательно, существую». Преобладает вера в науку, технику, в возможность и необходимость переустройства мира. Отношение к природе строится на основе утилитаризма.

На Востоке сохраняется вера в духовно-нравственные ценности, стремление к чувственно-эмоциональному переживанию мира. Акцент делается на гуманистическом измерении научно-технического прогресса. В традициях культуры доминирует принцип внутреннего единения человека с природой.

4) Характер развития социокультурной системы.

На Западе происходит быстрая, нередко скачкообразная смена социальных структур. Новое отрицает старое в самой сущности социокультурных процессов. Получают теоретическое обоснование представления о революционном характере социальных изменений, научных революциях.

На Востоке преобладает постепенный, эволюционный тип развития. В течение длительного периода сохраняется относительная стабильность, устойчивость духовной основы общества. Основные компоненты социальной системы демонстрируют способность к адаптации нового без разрушения прежних структур и связей. Культурные традиции передаются от поколения к поколению [Feibleman, J.K.].

После осознания социокультурной разности Запада и Востока, возник вопрос: какой из них лучше? По итогам множества дискуссий, бесед представителей двух культур – доминировало мнение: Запад – это голова, а Восток – это сердце человеческой цивилизации, от хорошей работы которых в равной мере зависит благополучие будущих поколений. Было понятно, что единство истории человечества достигается на основе их взаимовлияния, взаимодополнения, взаимообогащения при сохранении самобытности и самостоятельности каждого, но не на основе слияния двух типов социокультурного развития.

Отмечая влияние, оказанное культурой Греции на культуру востока (оно действительно было очень значительным), многие историки часто совершенно замалчивают культурные достижения восточных народов. В действительности же тысячелетняя культура Востока также оказала большое воздействие и разностороннее влияние на развитие культуры Греции и других стран Запада [2, с.36].

В так называемой эллинистической культуре, как известно, нашло отражение не «чисто» греческое культурное творчество, а своеобразное переплетение греческой и восточной культур. В развитии эллинистической культуры выдающаяся роль принадлежит народам Средней Азии. Археологические работы приносят все новые и новые свидетельства вклада народов Востока, в том числе и Средней Азии, в развитие материальной культуры эллинистического мира. Некоторые основополагающие принципы эллинистического градостроительства, например, гипподамова система городской планировки, восходят к идеям, развивавшимся на Востоке задолго до эпохи эллинизма и т.д.

Среднеазиатские и иранские религиозные культуры оказали определенное влияние на религиозные воззрения греков и римлян, а затем и на развитие христианства. «В этой области Восток взял в плен своего завоевателя: и хотя это движение, может быть, не достигло своей вершины до христианской эпохи, оно нарастало в течение всего эллинистического периода» [2, с.37]. Влияние Востока отразилось и на греческой философии, литературе, искусстве и т.д.

Значение памятников среднеазиатского искусства далеко выходит за пределы Средней Азии, ибо они позволяют по-новому рассматривать и объяснять важнейшие явления художественной культуры Востока. Так, например, обстоит дело с так называемым гандхарским искусством (кушанская эпоха – II в. до н.э.) Гандхарское искусство представляет собой удивительно яркий сплав местных и эллинистическо-римских традиций (произведения такого стиля встречаются на территории всей Северо-Западной Индии, Афганистана, на юге Средней Азии).

В контексте исследуемой проблемы интересны данные о развитии музыкальных инструментов. Рассматривая музыкальные инструменты древних греков, Г. Фармер пришел к заключению, что название инструментов, таких как барбитон (от персидского барбад) и пандура (от персидского танбур) «указывают на заимствование этих инструментов греками» [8].

В этом контексте следует уточнить, что название барбитон (барбат), по всей видимости, восходит к согдийскому инструменту барбат, означающее в переводе с согдийского «грудь утки» (синаи мургоби).

Аналогичные факты взаимопроникновения музыкальных культур приводят и ряд советских музыковедов. По мнению исследователей Т.С. Вызго и А. Бюхнера, древнеиранская арфа с изогнутым резонатором была известна древним грекам под названием самбука или самбик.² Взаимодействие музыкальных культур в некоторой степени повлияло на музыкальную практику древних греков. Это было связано, с одной стороны, с вхождением в обиход нового инструментария, традиций и приемов в области исполнительства, а с другой – с освоением новых инокультурных жанров и форм.

Таким образом, объединение многих стран способствовало развитию цивилизации на Востоке, укреплению взаимных экономических и культурных связей многих народов [5].

Избежать любые формы и проявления антикультуры, каковыми являются идеология терроризма и экстремизма можно только через позитивный диалог, открытость, доброжелательность, толерантность.

Поэтому следует особо подчеркнуть, что со времен Шелкового пути, который связывал между собой страны Востока и Запада, до сегодняшних дней, проходил и проходит интенсивный обмен культурными ценностями между народами региона и другими ближними и дальними странами на пересечении этого великого пути [1, с.4].

В широком смысле гуманизм – это исторически меняющаяся система воззрений, которая признает ценности человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов. Как известно, принцип человечности – это норма межчеловеческого общения. В узком смысле: культурное движение эпохи Возрождения, которая рассматривает человека как высшую ценность, подчеркивает его свободу, индивидуальность, самобытность, проникнутое пафосом веры в безграничные творческие возможности человека, автономность, самостоятельность его бытия. Главная же идея возрожденческого гуманизма – это всесторонняя культивация свободы, достоинства человека, его самоутверждения через актуализацию заложенных в его природе возможностей.

Каждая культура прошлого, вовлечена в “диалог”, например, с последующими культурными эпохами, постепенно раскрывает заключённые в ней многообразные смыслы, часто рождающиеся помимо сознательной воли творцов культурных ценностей. Субъектами диалога могут быть и отдельные народы, которые, приходя в соприкосновение друг с другом, могут строить свои отношения как на неприятии и отторжении, так и в форме конструктивного диалога. К сожалению, диалог между культурами не может характеризоваться положительным эффектом, если между ними не существует полифонии голосов различных субъектов истории.

Вступая в диалог, культуры не только взаимодействуют друг с другом, но также пытаются освоить способ познания социальной реальности, где общение строится на взаимопонимании и умении принимать “играющие роли”.

Диалог культур Восток – Запад важен не только в плане заимствования достижений, но и для того, чтобы народ, сравнивая себя с другими, осознавал свою уникальность. Но всё же, самостоятельного развития этнической, национальной культуры, её традиций не может происходить в локализованном государстве, без первоначального вмешательства иных культурных преобразований, а поэтому вхождение,

социализация нации, в новое общество является процессом очень сложным, и в большинстве случаев приводит к негативным последствиям.

1. Бабаджанова М.М. Межкультурный диалог в интересах устойчивого развития. Монография. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 210 с.
2. Бабаджанова М.М., Юлдашева М.Р., Ким А. – Калейдоскоп культур. – Душанбе: «Статус», 2007. – 95 с.
3. Винюкова Л.М. Воспитание толерантности посредством ознакомления с культурой разных национальностей / Л.М. Винюкова // Воспитатель – 2009, № 4. – С. 33 – 37.
4. Вознюк Е.Б. Диалог как фактор развития культуры // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2/2 (70). – С.200 – 202.
5. Гафуров Б.Г. О связи Средней Азии и Ирана в ахеменидский период (VI-IV вв. до н.э.) Academia Nazionale die Zibce, CCCU, XIII, № 76, 1966.
6. Круглый стол «Ислам и христианство: проблемы диалога». Континент – Институт этнологии и этнографии РАН // <http://magazines.russ.ru>
7. Шаригина Л. И., Унда С. И. Взаимодействие культур Запада и Востока // Молодой ученый. — 2016. — №7.5. — С. 94-95. — URL <https://moluch.ru/archive/111/27922/> (дата обращения: 23.05.2018).
8. Farmer N.O/ Persich Music/- Die Music-Ner-York, 1962
9. Feibleman, J.K Understanding Oriental Philosophy. A Popular Account of the Western World. Now York. 1976, p. 224, 225.

РАЗДЕЛ XVII. ФИЛОЛОГИЯ

Аничкина Н.В.

Литература 20-21 веков в школьном литературном курсе

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
(Россия, Орск)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-70

idsp: 000001:lj-06-2018-70

Требования современного Федерального Государственного Образовательного Стандарта позволяют сформулировать цель методики преподавания литературы – помочь целостному постижению произведения учениками и формированию читательской компетентности [12].

Достижению этой цели будет способствовать изучение поэтики. Поэтики как науки не существует. Поэтика существует только на конкретных примерах. Поэтому в поле зрения литературоведов и учителей-словесников должны находиться проблемы характерные для конкретного произведения, конкретного писателя. Этому будет способствовать изучение частной поэтики, то есть изучение стиля, различных структурных элементов текста (сюжета, мотива, композиции, принципов характеристики персонажей, временное пространство и т.д.) [1]. Именно изучению частной поэтики посвящены литературные курсы средних классов.

В младших классах школьники знакомятся с произведениями фольклора, выявлению особенностей этих произведений поможет нормативная поэтика, которая рассматривается в соединении с литературоведческим аспектом, например, изучаются фрагменты работ Проппа «Морфология волшебной сказки», Д.С.Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» [1]. В старших классах роль нормативной поэтики усиливается, например, при изучении классицизма девятиклассники изучают работы Аристотеля и Буало.

В старших классах в связи с изучением истории литературы школьники получают представление о таких категориях как художественный метод, художественная система, литературное течение, литературное направление.

Художественный метод рассматривается как универсальная категория общественного сознания, тип духовно-практического опыта людей, творчески освоенный писателем в качестве основы художественного воспроизведения жизни; наиболее общие особенности образного отражения жизни в искусстве, которые устойчиво повторяются в творчестве ряда писателей и тем самым образуют литературные течения и литературные направления. Литературное течение – общность художников на основе социально - идеологической позиции. Литературное направление – единство творчества писателей по общему типу художественного содержания. Писатели одного течения могут входить в разные направления, писатели разных течений и направлений составляют одну художественную систему.

Изучение литературы XX века в школьном курсе выпускного класса традиционно завершается произведениями писателей 80-х годов. Программа под ред. Т.Ф. Курдюмовой в разделе «Литература на современном этапе» рекомендует обратиться к произведениям современной русской исторической прозы: А.Солженицын, Д.Балашов, В.Пикуль и др. Программа под ред. М.Б. Ладыгина в разделе «Русская литература последних лет» для итоговой конференции на тему «Пути развития русской литературы в XX веке» предлагает обзорное рассмотрение произведений писателей 80-90-х годов XX

века. Основной аспект рассмотрения – судьбы произведений и авторов в контексте времени [4]. Программа под ред. А.Г.Кутузова в итоговом разделе

«Миф – фольклор – литература» рекомендует обратиться к творчеству Ч.Айтматова, В.Распутина, В.Шукшина, И. Бродского. А также для самостоятельного знакомства с «массовой» литературой конца 90-х годов учащимся предлагаются произведения Л.Улицкой «Медея и её дети» и В.Славкина «Взрослая дочь молодого человека» [3]. Программа под ред. В.Я.Коровиной в разделе «Литература конца XX – начала XXI века» предлагает общий обзор произведений последнего десятилетия. Проза: В.Белов, А.Битов, В.Маканин, А.Ким, Е.Носов, В. Крупин, С. Каледин, В.Пелевин, Т.Толстая, Л.Петрушевская, В.Токарева, Ю. Поляков. Поэзия: Б.Ахмадулина, А.Вознесенский, Е.Евтушенко, Ю. Друнина, Т. Кибиров, И.Жданов, О. Сedaков [6]. В программе В.Г. Маранцмана в разделе «Литература последнего десятилетия» для чтения и рассмотрения на уроке предлагаются сатиры М.Жванецкого, повести В.Токаревой, детективы Б.Акунина []. Программа под ред. Г.И.Беленького в разделе «Литература 60-90-х годов» обзор поэзии предлагает завершить творчеством И.Бродского, а обзор прозы провести по темам: человек и природа, правда о жизни деревни трагические страницы советской истории [5]. Программа Г.С. Меркина, С.А.Зинина, В.А. Чалмаева в разделе «Новейшая русская проза и поэзия 80-90-х гг.» предлагает обзорное рассмотрение произведений В.Астафьева, В. Распутина, Ю. Полякова, Л.Петрушевской, Л. Улицкой, В.Ерофеева. В.Пелевина, Т.Толстой, И. Губермана, Т. Кибирова, Д. Пригова [7]. Программа В.В. Агеносова в разделе «Современная литературная ситуация» для обзорного рассмотрения предлагает произведения А.Солженицына, В.Астафьева, Г. Владимова, В.Дудинцева, Б. Можаяева, В.Маканина, Л.Петрушевской, Т.Толстой, В.Ерофеева, А. Битова, Ю. Мамлеева, В.Сорокина, Т. Кибирова [2]. Программа под ред. Г.А. Обернихиной раздел «Общекультурная обстановка и основные тенденции развития русской литературы второй половины XX века (1950-1990- е годы)» предлагает завершить изучением творчества И.А. Бродского [10]. Программа О.Ю. Богдановой в разделе «Произведения писателей и поэтов второй половины XX века, получившие общественное признание современников» предлагает обратиться к творчеству Ю.Трифонов, Ф. Абрамова, В.Астафьева, В.Распутина, В.Белова, В. Быкова, В.Кондратьева, В.Тендрякова, А.Вампилова; Н.Рубцов, Б.Ахмадулиной, Ю.Кузнецова, А.Вознесенского, И.Бродского, Б.Окуджавы, В. Высоцкого [9].

Рассмотрение вопросов частной и нормативной поэтики в ходе историко-литературного курса занимает значительное место. Это обусловлено особенностями курса литературы для старшеклассников. Старшеклассники получают целостное представление о литературе как средстве познания жизни; им становится ясно, как писатель раскрывает через образы свое отношение к жизни; рассматривают взаимосвязь характера и среды.

Основной метод изучения истории литературы – сопоставление писателей по исторической и социальной обстановке, по творческому методу, направлению, течению, мировоззрению, проблемам, которые они решают в своих произведениях.

Курс литературы для старшеклассников включает в себя монографические и обзорные темы. Монографические темы рассматривают картину жизни и творчества писателя и включают подробное текстуальное изучение произведений. В центре монографической темы – писатель и его произведения. Одно или несколько произведений изучаются текстуально – подробно, другие обзорно (выборочно – направленно, аннотировано) или ознакомительно.

В обзорную тему входят историческая и общественно-политическая характеристика определенного периода, сведения о развитии науки и искусства, о литературном процессе (литературные общества, журналистика, литературные течения, основные проблемы, господствующие жанры), характеристика творчества отдельных писателей и анализ произведений. Безусловно, не все перечисленное следует вводить в

план изучения каждой темы. Структура и содержание ее будут меняться в зависимости от характера литературного материала и тех задач, которые ставит перед собой учитель.

1. Аничкина Н.В. Изучение поэтики в школе : учебно-методическое пособие / Н.В. Аничкина. – Орск : ОГТИ, 2007. – 99 с.
2. Агеносов, В.В. Русская литература XIX – XX веков. Программа для 10-11 классов общеобразовательных учреждений В.В. Агеносов, А.Н. Архангельский. – М.: Дрофа, 2004. – 48 с.
3. В мире литературы: Программа по литературе для общеобразовательных учреждений. 5-11 кл. Программа по литературе для общеобразовательных учреждений. 5-12кл. Программа по литературе для школ гуманитарного профиля. 10-11 кл. // А.Г. Кутузов А.К. Киселёв, Е.С. Романичева и др. / Под ред. А.Г.Кутузова. – М.: Дрофа, 2004. – 160 с.
4. Литература : программы по литературе для общеобразовательных учреждений. 5-11 кл. / Т.ф. Курдюмова, Н.А. Демидова, Е.Н. Колокольцев и др.; под ред. Т.Ф. Курдюмовой. – М.: Дрофа, 2006. – 93 с.
5. Программы общеобразовательных учреждений. Программа литературного образования. 10-11 кл. // В.Г. Маранцман, Е.К. Маранцман, Е.Р. Ядровская и др. / Под ред. В.Г. Маранцмана. – М.: Просвещение. 2005. – 176 с.
6. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 кл. (базовый уровень) // В.Я. Коровина. В.П.Журавлёв. В.И.Коровин, И.С. Збарский, В.П. Полухина / Под ред. В.Я.Коровиной. – М.: Просвещение, 2005. – 222 с.
7. Программа по литературе для 5-11 классов общеобразовательной школы / Авт – сост. Г.С.Меркин, С.А.Зинин, В.А.Чалмаев. – М.: ООО «ТИД «Русское слово» - РС», 2005. – 200 с.
8. Программа по литературе (5-11 кл.). Для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля. Под ред. М.Б. Ладыгина // Программно-методические материалы. Литература. 5-11 кл. / Сост. Т.А.Калганова. – М.: Дрофа, 2002. – С. 206-295.
9. Примерные программы по русскому языку и литературе: Для среднего (полного) общего образования / О.Ю. Богданова, Е.А. Зинина (литература). – М.: Просвещение, 2002. – С. 19-63.
10. Русская литература. Программа для 10-11 классов общеобразовательных учреждений гуманитарного профиля / Под ред. Г.А. Обернихиной. – М.: Дрофа, 2003. – 80 с.
11. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 1-11 кл. / Под ред. Г.И. Беленького и Ю.И. Лысого. – М.: Мнемозина, 2001. – 78 с.
12. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт <http://standart.edu.ru/attachment.aspx?id=370>

Вишневецкая В.В.

**«Функции инверсии в стилистике английского языка»
(на материале произведений Томаса Майна Рида)**

*Новороссийский политехнический институт филиал КубГТУ
(Россия, Новороссийск)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-71

idsp: 000001:lj-06-2018-71

Аннотация

Инверсия в английском языке представляет большой интерес с точки зрения прагматического употребления и исследования различных единиц коммуникации. Прагматические особенности инверсии в английском языке являются областью малоизученной, но релевантной для реализации эмоционально-экспрессивного компонента коммуникации. Актуализация предложения и экспрессия пересекаются в плоскости прагматики как семантически и коммуникативно значимой категории, ибо здесь на передний план выдвигается говорящий субъект со всеми его интенциями. Существующая тесная связь между субъективным типом актуализации и эмоционально-экспрессивным компонентом коммуникации никогда не вызывала сомнений у лингвистов, однако, эта тема остаётся практически неисследованной. Анализ же инвертных предложений показывает, что при помощи инверсии выражается эмоционально-экспрессивный момент в коммуникации.

Ключевые слова: инверсия, эмоционально-экспрессивный компонент коммуникации, семантически и коммуникативно значимая категория, обособление.

Abstracts:

Inversion in English is of great interest in terms of pragmatic use and research of various units of communication. The pragmatic features of the inversion in English are an area of little studied, but relevant for the realization of the emotionally expressive component of communication.

Actualization of the sentence and expression intersect in the area of pragmatics as a semantically and communicatively meaningful category, for here the speaker with all his intentions comes to the fore. The existing close connection between the subjective type of actualization and the emotionally expressive component of communication has never raised doubts among linguists; however, this topic remains virtually unexplored. An analysis of the inverted sentences shows that with the help of inversion expresses an emotionally expressive moment in communication.

Key words: inversion, emotional-expressive component of communication, semantically and communicatively meaningful category, isolation.

В современной лингвистике стилистические исследования занимают важнейшее место. В зависимости от сферы применения языка, содержания высказывания, ситуации и целей общения выделяется несколько функционально-стилевых разновидностей, или стилей, характеризующихся определенной системой отбора и организации в них языковых средств. Изучением функциональных стилей, особенностей употребления в них языковых средств занимается стилистика.

Стилистическими объектами исследования являются единицы языковой системы всех уровней в их совокупности, т.е. это могут быть слова, звуки, словосочетания, предложения и т.д.

Опираясь на фонологию, орфоэпию, лексикологию и грамматику, стилистика учит сознательному использованию их законов, определяет, насколько средства языка, соответствующие его нормам, отвечают целям и сфере общения, учит четко, доходчиво и ярко выражать мысль, выбирая из нескольких однородных языковых единиц, близких или тождественных по значению, но отличающихся какими-либо оттенками, наиболее точные.[3]

Инверсия в английском языке представляет большой интерес с точки зрения прагматического употребления и исследования различных единиц коммуникации. Прагматические особенности инверсии в английском языке являются областью малоизученной, но релевантной для реализации эмоционально-экспрессивного компонента коммуникации. Актуализация предложения и экспрессия пересекаются в плоскости прагматики как семантически и коммуникативно значимой категории, ибо здесь на передний план выдвигается говорящий субъект со всеми его интенциями. Существующая тесная связь между субъективным типом актуализации и эмоционально-экспрессивным компонентом коммуникации никогда не вызывала сомнений у лингвистов, однако, эта тема остаётся практически неисследованной. Анализ же инвертных предложений показывает, что при помощи инверсии выражается эмоционально-экспрессивный момент в коммуникации.[4]

При коммуникации язык может выполнять сразу несколько функций, а значит, любой текст необходимо изучать с трёх сторон: как он функционирует в коммуникативной ситуации; какая у него структура, то есть, как его части связаны в целое; какое содержание он в себе несет.

Язык, в каждой функции, фокусируется то на «говорящем», как при экспрессивной функции, то на «получателе», как при функции воздействия, то на содержании, как при информационной функции. При металингвистической функции язык фокусируется на коде, т.е. языковом, при интерактивной функции язык используется для связи «говорящего» и «получателя», при контекстуальной функции язык фокусируется на контексте, при поэтической функции он направлен на код и содержание одновременно.

Мы бы хотели рассмотреть все эти функции языка, особенно те, в которых может возникать явление инверсии. Если просто передается информация то это явление не возникает. Оно проявляется лишь при передаче эмоций и настроений, используя текст, то есть мы рассматриваем эмоционально-экспрессивную функцию языка.

В.Г. Адмони, выделяя эмоциональную функцию порядка слов в предложении, в качестве самостоятельной основы, главное значение усматривает в создании повышенного эмоционального содержания синтаксических единств, что достигается, по его мнению, «измененной» формой исходного порядка слов. Такая позиция понятий «исходный» и «измененный» порядок слов как отклонение от нормы встречается в работах многих авторов, но это следует объяснить традицией, связанной с идеей европейского рационализма. Синтаксис же естественного языка постоянно вступает в конфликт с иконическими нормами, что свидетельствует не о нарушении норм, а о том, что «нормы» несовершенны. Современные грамматики английского языка начинают избегать подразделения порядка слов на «нормальный» и «ненормальный».[1]

Споры о “нормальном, нейтральном, не эмфатическом” и “ненормальном, особом, эмфатическом” порядке слов всегда не давали покоя стилистам и лингвистам [5]. Проблема местоположения членов предложения «проблема инверсии» исследуется учеными с момента зарождения науки «риторики». Сначала порядок слов “общепринятый” просто фиксировался, затем грамматика стала рассматривать связи между членами предложения и «синтаксические отношения членов предложения», а уже затем стилистика, как наука обо всем выразительном, окрашенном, выдвинутом, стала рассматривать «отклонения от общепринятого» и определять их назначение в речевых единицах.

Гальперин И.Р. в своем труде «Очерки по стилистике английского языка» определяет так функции науки, занимающейся всем “необычным, отличающимся и экстраординарным”: «Стилистика языка изучает синтаксические выразительные средства языка и синтаксические стилистические приемы, создающие особую организацию высказывания, отличающую такое высказывание от высказывания в условно называемой нами «нейтральной» форме изложения».[6]

Инверсия, будучи “отклонением от нормы”, как раз и входит в предмет изучения стилистики. Стилистика рассматривает её эффект в речи. Грамматика также рассматривает инверсию, в свою очередь, как нарушение грамматических правил строения предложения. Грамматика описывает какой из членов предложения “выдвинут или выделен”, а стилистика, какой эффект даст выдвижение именно этого члена предложения на общую структуру текста или на определенный контекст.

“ В самом деле, проблема инверсии рассматривается и в грамматике, и в стилистике”. Так конструкция типа “Only then have we made up our mind to move there” называется стилистической инверсией в курсах грамматики и грамматической инверсией в курсе стилистики. Видимо, поэтому очень трудно назвать некоторые явные грамматические нарушения ошибками. Раз уж они имеют место быть, их можно назвать “отклонениями”. Грамматика в данном случае должна считаться со стилистикой и функциями её подчиненных.

Большинство стилистов сходятся во мнении, что “... уклонения от нормы нельзя рассматривать как ошибки.” [1] Считается, что именно в такого рода отклонениях, основанных на живых процессах языка, иногда скрывается индивидуально-творческая манера автора. Если подобное отклонение часто используется в индивидуально-художественном стиле разных писателей, оно может постепенно типизироваться, получив право на существование в стилистике языка, а затем при выработке определенных и твердых норм использования такого рода отклонений, и в области грамматики. Поэтому “чёткую демакрационную линию между грамматическим и стилистическим в синтаксисе провести трудно, а иногда и невозможно”.

В текстах Томаса Майна Рида можно проследить «нестандартность» грамматической структуры, которая придает яркую эмоциональную окраску тексту, если автор использует инверсионные конструкции. Выделение подлежащего как слова, несущего на себе наибольшую смысловую нагрузку в предложении, возможно различными способами. Основным способом выделения из них является, конечно же, порядок слов. Интенсификацию и способы смыслового выделения подлежащего, как члена предложения, можно довольно таки просто вычленив в тексте. Так подлежащее не всегда выражает то, о чем говорится в предложении. Подлежащее может быть также и тем, что сообщается в предложении, т. е. оно может быть семантически главным.

Инверсия в целях выделения подлежащего используется в современном английском языке лишь в ограниченном количестве случаев, только при следующем содержании предложения: «в определенных условиях или месте или времени, находится, т. е. существует тот или иной предмет».[6]

Сказуемое в предложениях может быть выражено переходными глаголами, выражающими форму существования или бытия, например: to dwell, to exist, to remain; положение в пространстве может быть выражено глаголами: to stay, to sit, to lie, to hang; а движение: to follow, to rush, to move, to pass, to flow, to fly, to arise, to gallop, to creep, to run и т. п.; а в появлении или возникновении и развитии действия могут использоваться такие глаголы как: to arrive, to come, to enter, to emerge.

“There was something like a lie outlined upon his features as he muttered the last reflection. In his actions too; behind the rock — still kept looking over it.”[15]

Иногда сказуемое в таких предложениях выражено глаголом в страдательном залоге, что явно выделяет в предложении измененный порядок слов:

“The cigar became shortened to a stump, and still those silvery voices were heard mingling with the hoarse symphony of the sea — the latter, each moment growing louder as the tide continued to rise.”[15]

Зачастую первый элемент конструкции, т. е. обстоятельство иногда отсутствует и тогда на первый план выступает сказуемое:

“In this way had the trio become disposed, as the explorer, after discovering the obstruction to his progress, turned back along the strand — their silence leading him to believe they had taken departure.”[15]

Мы можем проследить, как подлежащее выделяется с помощью инверсии также в эллиптических конструкциях, начинающихся с *so* и *neither*, целью которых является отнесение содержания сказуемого предыдущего предложения к другому субъекту:

“Still nothing to be seen below! Neither woman nor human being. Not a spot on which one might find footing. No beach above water-no shoal, rock, or ledge, projecting from the precipice — no standing-place of any kind.”[15]

Конструкция с вводным *there* утверждает наличие или отсутствие какого-либо предмета в определенных условиях, в данном месте или в данное время при определенных обстоятельствах и тому есть соответствующее подтверждение:

“Then there is no alternative but to try swimming,” said the stranger, once more facing seaward, and again scrutinizing the surf. “No!” he added, apparently recoiling from the design.” [15]

Если подлежащее стоит под ударением тогда за глаголом-сказуемым следует инверсия, подлежащее может быть также одним из других переходных глаголов. Формы лица и числа глагола всегда ориентируются на слово, которым выражено подлежащее:

“As there was no time for either ceremony or dispute, Cornelia accepted the suggestion. The stranger could have no choice.”[15]

Подлежащее после вводного *there* может быть выражено не только существительным, но и отрицательным местоимением, местоименным

словосочетанием. В большинстве случаев существительное в конструкции с вводящим **there** употребляется с неопределенным артиклем или без артикля. Употребление определенного артикля, однако, не исключается. Часто употребление определенного артикля в таких случаях обусловлено стилистически, также находит отражение в переводе.

Место прямого дополнения в английском языке не является абсолютно фиксированным, так в ряде случаев прямое дополнение может стоять перед подлежащим в начале предложения, оно может также следовать за обстоятельством.

Прямое дополнение стоит в начале предложения в силу связи его с предшествующим предложением или с предыдущим контекстом, т. е. оно повторяет уже известное из предыдущего изложения, т.е. контекста:

“Kicked out of the British service! Lying cur, to have said it! To have thought of such a thing! And from what I've heard it's but a leaf from his own history! This may have suggested it. I don't believe he's any longer in the Guards: else what should he be doing out here?”[15]

Дополнение с определениями, реже — без них может стоять перед главными членами предложения, не повторяя предыдущее изложение; при этом оно выделено также и интонационно, т.е. ударением, а иногда и усилительными словами такими как: **such, rather** и другими.

а) без инверсии, где подлежащее стоит перед сказуемым:

“Once inside his own apartment, the air of the nobleman was suddenly abandoned. So, too, the supposed resemblance in speech. His talk was now that of a commoner — intoxicated. It was addressed to his valet, still sitting up to receive him”.[15]

“Such is a brief sketch of the life of Richard Tarleton — that portion of it spent in the north-eastern corner of Arkansas. No wonder, with such a record, he felt constrained to do his traveling by night!”[16]

б) с частичной инверсией:

“Twice before had he done so, obtaining by it a sort of borrowed *éclat* that was mistaken for bravery”.[15]

При этом, наряду с порядком слов часто применяются особые стилистические приемы такие как: повторы, противопоставления и другие, все это усиливает конструкцию в сочетании с определенной интонацией:

“Fellow campaigners — as friends — they had stood side by side under the hissing hail-storm of battle. Side by side had they charged up the difficult steep of Chapultepec, in the face of howitzers belching forth their deadly shower of shot — side by side fallen on the crest of the counterscarp, their blood streaming untidy into the ditch”.[15]

В данном примере **side by side under the hissing hail-storm of battle** дополнение противопоставлено **side by side fallen on the crest of the counterscarp** подлежащему следующего предложения: противопоставление достигнуто необычным порядком слов в первом предложении, где дополнение вынесено на первое место.

Дополнение может стоять после обстоятельств; конечное положение дополнения выделяет его в предложении; при этом выделяемое слово, т.е. дополнение, может быть распространено развернутым постпозитивным определением:

“Of all men, Dick Swinton!” soliloquized he while waiting for the mixture. “It's true, then, that he's been turned out of his regiment. No more than he deserved, and I expected. Confound the scamp! I wonder what's brought him out here? Some card-sharping expedition, I suppose — a razzia on the pigeon-roosts of America! Apparently under the patronage of Girdwood mère, and evidently in pursuit of Girdwood fille. How has he got introduced to them? I'd bet high they don't know much about him.”[15]

Кроме порядка слов, средством выделения дополнения в предложении может служить смысловое ударение, а на письме такое дополнение обозначается курсивом:

“They can have him at their own price. Caveat emptor. For this little contretemps I needn't blame him, though I'd give twenty dollars to have an excuse for tweaking his nose!”[15]

Обстоятельства времени и реже места могут стоять также в начале предложения; в этом случае обстоятельство обозначает исходный пункт мысли:

“At the bottom of the scale may be placed Bill Buck, whose father, half horse-trader, half corn-planter, squats on a tract of poor land near the Cache, of which no one cares to dispute his proprietorship”.[16]

а) без выделения подлежащего:

“In their smoking there might be noted a difference, Bill indulging in a corn-cob pipe, while the son of the planter puffs his “principle”, that has come through the custom-house from Havana”.[16]

б) с выделением подлежащего, т.е. полная инверсия:

“All six succeed in reaching the limb, and catching it. All can hang for a time; but In this Bill Buck beats his companions, Brandon showing chagrin”.[15]

Основными способами смыслового выделения обстоятельства в предложении могут быть, например «местоположение»:

а) обстоятельство может быть выделено постановкой его на первое место в предложении, если обстоятельство выражает отрицание или усиленное ограничение. При этом в предложении всегда имеет место частичная инверсия:

“In an instant the hounds are after it, some of them already hanging to its hams; while the six hunters suddenly rush to their guns, and flinging themselves into their saddles, oblivious of all else, spur excitedly after”.[16]

б) обстоятельство образа действия может выделяться вынесением на первое место в предложении, часто с интонационным обособлением:

“If not quite so quick as lightning, yet as fast as her feet can carry her, the young girl starts along the trace leading to the shanty”.[16]

в) особо следует отметить случаи эмпатического выделения наречий со значением направления движения: *on, off, away, up, down, around*. Постановка таких наречий на первое место создает впечатление резкого, порывистого движения:

“Slow, and with better thoughts, they ride off — each to return to his own home — leaving Jerry Book alone, to chuckle over the accursed compact”.[16]

В современном английском языке из всех знаменательных глаголов только *to have* употребляется в вопросительных предложениях с полной инверсией, т. е. без вспомогательного глагола *to do*:

“The animal has just succumbed under the trenchant teeth of their dogs, and a bullet or two from their rifles. Nor have the hounds come off unscathed”.[16]

а) в разговорном стиле речи, однако, существует тенденция к употреблению вспомогательного *to do* и с глаголом *to have*:

“We know where *it* lies; we've had good reason to. We've been fools to let it lie there so long; and we'd be softer still to let it lie there any longer.” “What do you have to propose, Alf?”[16]

б) в бессоюзных придаточных предложениях условия в случае, если сказуемое выражено глаголом в сослагательном наклонении, используется частичная инверсия:

“*Had she been there before...*”

В современной лингвистической литературе существует понятие «обособление», т.е. это такие интонационно-смысловые отрезки речи, которые образуются путем выделения того или другого второстепенного члена предложения, возможно одного

или с относящимися к нему и зависящими от него словами. Другими словами, обособленные второстепенные члены предложения представляют собой одну из разновидностей выделяемых в предложении интонационно-смысловых отрезков, но обязательно таких, которые представляют собой грамматически связанное целое.

Такое определение обособления нельзя полностью применить к английскому языку в связи с характерными особенностями строя этого языка, его значительной аналитичностью и более тесной структурно-синтаксической связью между компонентами высказывания.

Однако, под обособленными членами предложения мы понимаем такие части высказывания, а это обычно второстепенные члены предложения, которые в силу разрыва привычных синтаксических связей оказываются изолированными от тех главных членов предложения, от которых они обычно зависят. В этом отношении обособление родственно инверсии.

“This was the argument on his side; and, trusting to his attractions, he still fancied himself pretty sure of being able to make a conquest of the American — even to making her the victim of an illegal marriage.”[15]

“Next to Master Brandon in degree of social standing is a youth who is also two years his junior, by name Randall. He is the son of a certain lawyer, late promoted to be judge of the district — an office that cannot be called a sinecure, supposing its duties to be faithfully performed.”[16]

Сущность приема обособления и его стилистические функции достаточно полно определены академиком Виноградовым: «Обособленные члены и обособленные конструкции представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения выделяемые средствами инверсии и интонации, с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике. Обособленные члены предложения обычно наполнены живой экспрессией, подчеркиваются логически или эмоционально; но от этого они не перестают быть второстепенными членами в грамматическом смысле. Хотя обособленный член предложения интонационно ставится в своеобразные синтаксические отношения к остальной, и вместе с тем основной, части предложения, хотя он приобретает относительно больший синтаксический вес по сравнению с соответствующим членом предложения, не подвергшимся обособлению, но он не перестает быть в структуре целого предложения вторичным и второстепенным его членом, синтаксически связанным с его основным предикативным ядром». [2]

Между главными членами предложения и обособленными второстепенными членами предложения существует связь, хотя и прерванная. Эта связь становится тем менее заметной, чем резче само обособление ощущается.

Действительно, обособленные члены предложения обладают большей самостоятельностью, большей смысловой значимостью, большей выразительностью. Как известно выразительность во многих случаях определяется интонационными средствами. Обособление является приемом письменного типа речи и поэтому интонационное выделение лишь подсказывается соответствующим местоположением обособленных членов предложения в составе всего предложения. Иными словами, интонационное выделение является функцией синтаксического положения обособленного члена предложения. Основным же содержанием обособления является разрыв существующих привычных традиционных связей между членами предложения. Разрыв синтаксических связей вызывает и более длительную паузу перед обособленным членом, изменение интонационного рисунка при произнесении, более сильного ударения и т. д.

Как инверсия, так и обособление выделяют определенные смысловые высказывания благодаря нарушению привычных связей в предложении.

Интонационное выделение в свою очередь ведет за собой более сильную стилистически-смысловую нагрузку выделенных членов предложения.

В литературных произведениях авторы часто прибегают к нарушениям синтаксических связей слов, так как подобное нарушение придает, как принято говорить, большую «самостоятельность» словам или словосочетаниям.

Обособление, как стилистический прием, является типизацией особенностей синтаксиса устного типа речи. В этом типе речи особо часты случаи разрыва привычных синтаксических связей, нарушения управления, согласования и т. д.

Обособлению могут подвергаться не только отдельные слова и словосочетания, но и целые высказывания, отдельные номинативные предложения, которые, если бы они не оказались в составе сложного синтаксического целого могли бы представлять собой самостоятельные назывные предложения.¹ Их обособление, таким образом, является лишь функцией логических, а не синтаксических связей. С другой стороны, иногда синтаксическая разорванность предложений, фрагментарность способствует большему логическому выделению отдельных частей предложения, фактически не имеющих этой смысловой независимости.

На основе произведений Томаса Майна Рида был выполнен анализ стилистической функций инверсии. Данные примеры были взяты из произведения “**The Child Wife**” и “**The Helpless Hand**”.

“That he was only an amateur sportsman, his style of dress plainly proclaimed. More plainly did it bespeak the soldier. A forage cap, that had evidently seen service, half shadowed a face whose deep sun-tan told of that service being done in a tropical clime; while the tint, still fresh and warm, was evidence of recent return. A plain frock-coat, of civilian cut, close buttoned; a pair of dark-blue pantaloons, with well-made boots below them, completed his semi-military costume. Added: that these garments were fitted upon a figure calculated to display them to the utmost advantage.” [16]

Как было установлено в теоретической части, инверсия и в этой части выполняет прежде всего различные функции, которые, в свою очередь, служат для усиления или выделения этого фрагмента из остального потока текста.

Начнем с грамматической функции инверсии в этом примере. Приведенный отрывок является инверсией третьего типа по Гальперину. Здесь именная часть сказуемого стоит перед глаголом-связкой, и оба они перед подлежащим.

Для того, чтобы лучше ощутить какую нагрузку несет инверсия, сравним порядок слов выделенного предложения с традиционным. При обычном порядке слов именная часть сказуемого стоит в безударной позиции, следовательно, никакого логико-информативного или экспрессивного эффекта не несет в себе. А при перестановке членов предложения, используемым прошедшим причастием, конструкция приобретает дополнительный эффект, то есть, начинает выполнять дополнительные, а в данном случае эмоционально-экспрессивную функции в предложении. Автор, вынеся сказуемое перед подлежащим, делает эмфатическое ударение на смысле, который передает эта часть.

В данном примере необходимо также учесть и другой стилистический прием, которым воспользовался автор, и который усиливает эффект инверсии, а именно параллелизм или повторение **“.... that had evidently seen service,.. that service being done in a tropical clime.”**

Исследуемый отрывок позволяет сделать вывод о том, что в данном примере инверсия выполняет сразу несколько функций: грамматическую и эмоционально-экспрессивную. Инверсия в данном случае усиливает тоскливую и обреченную атмосферу всего отрывка.

Интересны функции инверсии в следующем примере из “**Child wife**” Т.М.Рида:

“Mazzini has done it, in direct opposition to my wishes and judgment. Mazzini is too sanguine. So are Turr and the others. They count on the Hungarian regiments stationed there, with the influence of my name among them. Giuseppe has taken a liberty with it, by using an old proclamation of mine, addressed to those regiments, while I was still prisoner at Kutayah. He has put it forth at Milan, only altering the date.”[15]

На первый взгляд может показаться, что основной стилистический прием, использованный в этом предложении и придающий ему определенную эмоциональную окраску, это повтор оборотов **“has done it, has taken it, has put it”**. Однако при более внимательном анализе видно, что повтор здесь выступает не в своей основной стилистической функции, а в дополнительной функции, функции фона, на котором отчетливее выступают, вынесенные на первое место обстоятельственные слова **“in direct opposition to my wishes and judgment,....an old proclamation of mine, addressed to those regiments,. only altering the date....”** являются основным средством стилистического воздействия на читателя. Необходимо отметить, что когда повтор имеет функцию усиления, то предложение подсказывает соответствующую эмфатическую интонацию; когда же повтор имеет функцию фона, как в данном примере, то повторяемые слова не имеют эмфатической интонации. Интонация во всех случаях падающая.

Анализируя разнообразные стилистические функции инверсии, необходимо иметь в виду, что всякая перестановка, нарушающая, в большей или меньшей степени, привычный порядок слов, влечет за собой либо изменение логического содержания предложения, либо сообщает дополнительную эмоциональную окраску всему высказыванию. Как было указано выше, это главным образом связано с тем, что в литературном английском языке, имеющем длительную историю развития, постановка главных и второстепенных членов предложения более или менее локализуется. «Даже в тех языках», в которых все члены предложений получают полную возможность своего отличительного друг от друга оформления, все же сохраняется тенденция к соблюдению общепринятого в пределах каждого языка размещения слов».

Тенденцию к соблюдению общепринятого размещения слов в английском языке нельзя рассматривать как строгую фиксированность элементов предложения. Понятие «строгая фиксация» и «общепринятое» — понятия неравнозначные. Однако Адмони, сравнивая порядок слов в русском, английском и немецком языках, пишет: «В этом отношении, т. е. с точки зрения переплетения фиксированных и нефиксированных элементов, немецкий язык отличается как от русского языка, в котором вообще отсутствует строгая фиксированность элементов предложения, так и от некоторых других западноевропейских языков, например, английского, в которых строгая фиксация, охватывающая значительно большее число элементов предложения, определяет по сути дела все слово, расположение в предложении в целом».[1]

В английском литературном языке за инверсией постепенно закрепляется стилистическая функция выделения одного из членов высказывания в логическом плане, либо выделение всего высказывания в целом в эмоциональном плане. Как правило, инвертированный порядок слов, преследующий стилистические цели, в основном, достояние письменного типа речи. Редко можно встретить перестановки атрибутивно-предикативные в устной речи даже возбужденного характера.

Итак, анализ примеров инверсии в английском языке показал, что она может выполнять различные функции в высказываниях. Эти функции, в свою очередь, служат для различных целей авторов. Иногда они служат для выделения определенного слова, фразы в общем потоке текста, чтобы читатель запомнил название, мету или услугу. Иногда различные функции инверсии служат для повышения экспрессивности высказывания, чтобы воздействие на читателя также повышалось. Иногда при помощи инверсии, а это ее логико-информативная функция, повышается информативность

всего высказывания и всего текста, его окружающего, чтобы, опять же, привлечь внимание читателя.

Функция интенсификации служит для усиления эмфатического ударения на определенном слове, для создания определенного образа в произведении.

Грамматическая же функция присутствует везде, во всех примерах.

1. Адмони В.Г. Грамматический строй языка как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988.
2. Виноградов В.В. Общее языкознание. М., 1972.
3. Вишневецкая В.В. Диссертация: «Лингвистические особенности художественного мира произведений приключенческого жанра» (на материале творчества Томаса М. Рида), 2007, Краснодар, КубГУ.
4. Вишневецкая В.В. Стилистический аспект в создании художественного образа персонажа (на материале творчества Томаса Майна Рида). Научно-практический журнал Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. №3. Москва, 2012.
5. Гальперин И.Р. О понятиях “стиль” и “стилистика”// Вопросы языкознания/ № 3, 1973.
6. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
7. Лингвистические исследования// Сборник науч. трудов. Кемерово, 1987.
8. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18.
9. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973.
10. Прагматические условия функционирования языка. М, 1987.
11. Психолингвистические проблемы грамматики. М, 1988.
12. Спорные вопросы английской грамматики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
13. Теория функциональной грамматики. С.-Петербург, “Наука”, 1992.
14. Шевякова В.Е. Современный английский язык: Порядок слов, актуальное членение, интонации. М., 1980.
15. The Child Wife by captain T. Mayne Reid. London - George Routledge & Sons, limited New York: E.P. Dutton & CO, 1905.
16. The Helpless Hand; or, a Tale of Backwoods Retribution by capt. T. Mayne Reid . Beadle's half dime Library, Vol. VI, No. 137, March 9, 1880.

Данияр уулу Таалайбек, Костина И.А.

Оппозитивный анализ как инструмент компонентного анализа

*Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного Университета
(Россия, Стерлитамак)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-72

idsp: 000001:lj-06-2018-72

Аннотация

В статье рассматривается оппозитивный анализ как часть компонентного анализа и метода семантического поля. Существуют нулевая, привативная, эквиполентная и дизъюнктивная виды оппозиций, которые показывают разные семантические отношения в языке.

Ключевые слова. оппозиция, компонентный анализ, нулевая оппозиция, привативная оппозиция, эквиполентная оппозиция, дизъюнктивная оппозиция.

Annotation

In this article oppositional analysis is considered as a part of componential analysis and semantic field method. There are zero, private, equipollent and disjunctive types of oppositions, reflecting semantic relations in language.

Key words. opposition, componential analysis, zero opposition, private opposition, equipollent opposition, disjunctive opposition.

Оппозитивный анализ является одним из составляющих компонентного анализа. Вместе они образуют значительную часть метода семантических полей.

Компонентный анализ определяется как «процедура расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т.е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней)» [Селиверстова 2004: 81].

Компонентный анализ исходит из признаков явлений, которые лежат в основе названий предметов действительности. Разные языки избирают разные признаки, которые ложатся в основу наименования. При всех различиях в терминах, такие признаки выражаются частями значения (семантическими компонентами, семами, семантическими множителями, фигурами). Стоит отметить, что такие компоненты могут быть как элементарными, так и неэлементарными.

Однако, разложение значений на смысловые компоненты является лишь задачей компонентного анализа, а его цель выявить и систематизировать внутривидовые и синхронные отношения (парадигматические, синтагматические, деривационные) между единицами языка и речи [Васильев 1997: 26]. Компонентный анализ обычно синтезируется с полемым методом, вместе они образуют надежную базу для исследования семантики лексических единиц.

Существует три разновидности компонентного анализа по способу выделения сем (КА):

1) *Логический* КА основывается на определении гносеологических связей между семами и признаками денотата. Работы, выполненные в этом ключе: прием семантических пропорций ДЖ. Лайонза [Лайонз 1978];

2) *Лингвистический* КА основан на анализе сочетаемости семантически близких слов. Например, дистрибутивно-статистический анализ А.Я. Шайкевича [Шайкевич 1976];

3) *Логико-лингвистический* КА использует обе методики, например, вертикально-горизонтальный анализ Ю. Найды [Naida 1975].

Суть оппозитивного анализа – составление оппозиций для сравнения единиц. В семантике оппозиции состоят из семем, имеющих общий инвариант для сравнения [Васильев 1997: 41]. М.И. Стеблин-Каменский отмечает, что термин *оппозиция* только в фонетике употребляется в своем прямом значении, для остальных случаев: в грамматике, лексике, семантике, этот термин употребляется как метафора. Только в фонетике может быть двойное членение, то есть действительная оппозиция, где различия «являются различием между элементами первого порядка, которые используются для различия между состоящими из них элементами второго порядка» [Стеблин-Каменский 1974: 76].

Существует четыре вида оппозиций: нулевая (отношения тождества), привативная (отношения включения), эквиолентная (отношения пересечения) и дизъюнктивная (отношения исключения). Нулевая оппозиция, как правило, выражается полными синонимами, где значения полностью совпадают, например, *глаза* – *очи*, *видеть* – *видать*, *смотреть* – *глядеть*. А с формальной стороны выражается омонимами, где тождественны формы, а значения разные: *свет* (1) – «лучи, сияние»; *свет* (2) – «земля, мир». Привативная оппозиция характерна для родовидовых понятий, где значение одного слова включается в другое: *дерево* – *ель*. В таких отношениях состоят значения в лексико-семантических и тематических полях. В эквиолентной оппозиции находятся близкие по смыслу слова, которые не являются полными синонимами, а также антонимы, паронимы, согипонимы, варианты полисемантического слова с общей интегральной семой. В семантическом поле семемы, как правило, находятся в привативных отношениях с интегрирующим понятием и в

эквивалентных отношениях друг с другом. Дизъюнкция также может быть семантической и формальной, в примере *свет* (1) – «лучи, сияние»; *свет* (2) – «земля, мир» совпадают формы, а значения не совпадают, следовательно это пример семантической дизъюнкции. Синонимы же могут выражать дизъюнкцию формально, например: *мир* – *свет* [Чупрякова 2014: 8-9]. В данном случае совпадающие по значению существительные выражают дизъюнкцию разными формами.

1. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
2. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики. / Л.М. Васильев: - Уфа: Изд-во Башкирск. Ун-та, 1997. - 187с.
3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз, под. ред. В. А. Звегинцева. - М.: Прогресс, 1978. – 544с.
4. Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике / А.Я. Шайкевич // Принципы и методы семантических исследований отв. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Наука, 1976. – С. 353-377.
5. Nida E.A. Componential Analysis of Meaning / E.A. Nida. - Belgium: Mouton, 1975.
6. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. / М.И. Стеблин-Каменский - Л.: Изд-во Ленинград. Ун-та, 1974. - С. 74-80. — 142 с.
7. Чупрякова О.А. Парадигматические отношения в лексике. Конспект лекций / О.А. Чупрякова. – Казань: Каз. федер.Ун-т., 2014. – 14с.

Макарова О.Ю., Анока В.Ю., Михтиева А.А., Галиев Д.Р.
Пословицы и поговорки здоровьесберегающей направленности как составная
часть фразеологического фонда русского, английского, казахского
и туркменского языков

ФГБОУ ВО Казанский государственный медицинский университет
(Россия, Казань)

doi: 10.18411/lj-06-2018-73

idsp: 000001:lj-06-2018-73

Аннотация

В статье рассматриваются особенности пословиц и поговорок здоровьесберегающей направленности в английском, русском, казахском и туркменском языках, история их появления и классификация типов пословиц.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, языковая структура, национальный языковой характер, здоровьесберегающая направленность.

Возникновение первых пословиц и поговорок относится к отдалённым временам человеческой истории. Подавляющее большинство учёных прошлого века относило возникновение пословичных изречений к тому периоду, когда славянские племена ещё находились в состоянии этнической и языковой общности и даже сливались с другими народами Европы и Азии, язык которых обнаруживает несомненную близость в формах. Тайна происхождения пословиц скрыта в них самих. Многие пословицы вторгаются в сферу деловых отношений, обычаев, становятся их частью [1]. Необходимо также отметить, что Н.А. Добролюбов в своём собрании сочинений говорит о том, что «мы не можем вступать в бесплодные споры о мифическом периоде языка и истории» до тех пор, пока абсолютно все произведения русской народной словесности не будут собраны, проанализированы, неразрывно с историческими и философскими фактами и категориями. [2]

По мнению Власа Платоновича Жукова, которого называют отцом русской фразеологии как отдельной и самостоятельной отрасли языкознания, «Пословицы – это краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный

(образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение» [3]. В одном из наиболее авторитетных английских словарей – Longman Contemporary English Dictionary – даётся следующее определение пословиц: «proverb – a short well-known statement that contains advice about life in general» [6].

Тема сохранения здоровья и поддержания здорового образа жизни нашла своё отражение в фольклоре и народном творчестве, наверное, всех без исключения этносов, населяющих Землю с самой глубокой древности. Поскольку тема здоровья всегда занимала центральное место в жизни любой нации, интересно проследить, как вариации на эту тему соотносятся в пословицах и поговорках различных народов.

Пословицы, посвящённые роли и значению здорового образа жизни, в английском, русском, казахском и туркменском языках, являются отражением языкового народного сознания, выраженного материализацией опыта поколений и отдельных представителей данного народа:

Good health is above wealth.

Русский аналог: Здоровье дороже денег.

Казахский аналог: Жарлының байлығы – дененің саулығы

Туркменский аналог: Bir ölümden ýüz hassalyk gowydyr

A sound mind in a sound body.

Русский аналог: В здоровом теле здоровый дух.

Узбекский аналог: Sog'lom tanda, sog' aql

Казахский аналог: Тәні саудың жаны сау.

Туркменский аналог: Samsyk kelle aýagy erkine goýanok.

Early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise.

Русский аналог: Кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет. Кто рано встает, тому бог подает.

Казахский аналог: Ерте турғанға кудай береді.

Туркменский аналог: Uky tebigatyň dermany.

You are what you eat.

Русский аналог: скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

Казахский аналог: сіз жеп отырған нәрсеңіз

Туркменский аналог: Hassa bolmazdan burun.

Sleep is a healing balm for every ill.

Русский аналог: Сон – бальзам природы.

Туркменский аналог: Hassa bolmasan saglygyň gadry ýok

By the side of sickness health becomes sweet.

Русский аналог: Без болезни и здоровью не рад.

Казахский аналог: ауру мен денсаулық жоқ бакытты емес.

Туркменский аналог: Erkegiň göwni bokurdagynda.

Основываясь на определениях слову «пословица», представленных в английских словарях, можно выделить следующие: краткость, лаконичность пословицы (proverb is...short...); по своей форме пословицы является предложением (proverb is a short sentence); пословица – это цитата (...that people often quote...); пословица зародилась давным-давно (proverb is ancient); пословица отражает правдивые явления (proverb is true); пословица – хранилище мудрости народа (that gives or tells something about human life and problems in general) [6].

Несомненный интерес представляет классификация типов пословиц, предложенная современным учёным-филологом О.А.Корниловым для сопоставления национальных фразеологий. Согласно его классификации, существуют следующие типы: «пословицы, имеющие в сравниваемых языках одинаковый инвариант смысла и одинаковую внутреннюю форму; пословицы, имеющие одинаковый инвариант смысла, но разную внутреннюю форму; пословицы, в которых специфичность метафорического

выражения смысла сочетается с неоднозначностью (или вариативностью) самого смыслового содержания; пословицы, в которых несовпадение смысла сочетается со специфичностью изобразительных средств языка» [4].

Проведя анализ пословиц здоровьесберегающей направленности, мы отметили, что они обладают:

- 1) объективностью через легко воспринимаемые понятия и образы;
- 2) слаженностью звучания, что в основном характерно для русского и английского языков;
- 3) тезисностью и компактностью мысли; доброжелательностью и гуманностью высказывания;
- 4) конкретизацией отвлечённых понятий.

Представляя собой яркое образное выражение, отражающее многовековой народный опыт и жизненную мудрость в яркой и лаконичной форме, пословицы сохраняют свою лексическую привлекательность и употребление в народной речи на протяжении многих столетий [5].

На основе вышеизложенного можно заключить, что именно благодаря перечисленным качествам приведённые нами пословицы выполняют свою просветительскую миссию, являясь специфичным средством отражения мироощущения этносов в русском, английском, казахском и туркменском языках.

1. Аникин В.П. Русское народное поэтическое творчество: учебник для пединститутов по спец. 2116 «Рус. яз. и лит. в науч. шк.» / В.П.Аникин, Ю.Г.Круглов. – Л.: Просвещение, 1987. – 478 с.
2. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т./ Н.А.Добролюбов. / М.: Литературная книга, 1961.
3. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П.Жуков. – М.: Высш.шк., 1993. – 310 с.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: автореф. дис. ... д-ра культур. наук / О.А.Корнилов. – М., 2000. 45 с.
5. Сакаева Л.Р. Пословицы во фразеологии русского и английского языков, семантически ориентированные на человека. – Вестник Московского государственного областного университета / Серия Лингвистика. №3, 2008. – с.84-90.
6. Longman Dictionary of Contemporary English, 2001, с.1136

Пудикова Г.Н.

Анализ темпоральной сетки гарантийного письма в русском, английском и португальском языках

*Российский университет дружбы народов
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-06-2018-74

idsp: 000001:lj-06-2018-74

Аннотация

В статье представлено употребление временных форм глагола в тексте гарантийного письма. Доказано, что темпоральная сетка гарантийного письма способствует его формированию как чего-то реального, актуального и сориентированного в пространстве и времени.

Ключевые слова: гарантийное письмо, глагол, модальность, семантика, темпоральная сетка.

Актуальность статьи. Употребление временных форм глагола есть когнитивным и прагматично predetermined. Анализ смысла предложений, временных форм нуждается обращения к языковой личности – центральному понятию как лингвопрагматики, так и когнитологии. Принимая во внимание то, что стороны гарантийного письма являются коллективом авторов, обращения к семантике временных

форм предоставляет возможность установить специфику делегирования обязанностей обеим сторонам соглашения.

Темпоральность обусловлена перформативным контекстом и связана с пониманием момента совершения высказывания как объемлющего интервала в рамках значения настоящего речевого акта, что материализуется в грамматической форме перформативного предиката.

Цель статьи: исследовать особенности темпоральной сетки гарантийного письма.

По специфике использования темпоральных средств тексты гарантийных писем распределяются на группы в зависимости от количества преобладающих временных форм (их частотность представлена в табл. 1):

Таблица 1

Применение часовых форм в текстах гарантийного письма в английском, русском и португальском языках

Язык	Часовые формы	Нарративные	Клишированные
Английский	Present Simple	68,3%	12,2%
	Present Perfect	6,5%	9,1%
	Future Simple	25,2%	78,7%
Русский	Настоящее время	75%	
	Будущее время	25%	
Португальский	Настоящее время	65%	
	Будущее время	35%	

В гарантийных письмах первого типа линия поведения коммуникантов фиксируется преимущественно с помощью форм настоящего времени, которые делают возможным сообщение о текущей деятельности коммуникантов. Следовательно, полностью уместно назвать первую группу гарантийных писем нарративными.

В английских нарративных гарантийных письмах количество форм будущего времени уменьшается до 25,2%. Напротив, некоторые тексты гарантийных писем характеризуются отягощенностью будущим временем с модальным глаголом *shall*, что является своеобразным клише официально-делового изложения, потому логично назвать эту группу гарантийных писем клишированными.

В русском языке настоящее время доминирует (75%), будущее – 25%. В португальском языке: 65% и 35% соответственно.

Как свидетельствуют полученные данные, способность форм настоящего времени маркировать факты, события и состояния без указания на объективное время, на которое указывают исследователи [Булыгина, Шмелев 1997: 147], в полной мере раскрывается в тексте гарантийного письма. В соответствии с нашими подсчетами (табл. 1, рис. 1), в английском языке общее количество форм настоящего времени – 68,3% конкурирует с традиционной совокупностью конструкций с модальным *shall*.

Рисунок 1 - Часовые формы в текстах гарантийного письма в английском, русском и португальском языках

По мнению А.В. Бондарко, формы настоящего времени выполняют функцию «перцептивности», «наблюдения» [Бондарко 1996: 123-135], а Х.Бринкман определяет их как создание «ощущения существования» (*Gefühl des Daseins*) [Brinkmann 1998: 323].

Будущее время в гарантийном письме на русском языке представлено в формате условия:

В случае несоблюдения гарантийных обязательств об оплате указанной суммы в установленный срок, нами будет осуществлена выплата пени в размере 0,1% от суммы задолженности за каждый день просрочки уплаты.

В английском языке с помощью формы Present Simple будущие события изображаются как реальная действительность, которая касается адресата и не вызывает сомнений или отрицаний. Поскольку о будущем известно гораздо меньше, чем о прошлом или настоящем, а говорится о нем всегда больше, средства его реализация в тексте гарантийного письма находятся в плоскости настоящего времени со значением фактивности. О фактивности можно говорить условно, имея в виду клишированность и формы, и содержания речевого действия. Полуфактивность и нефактивность также обусловлены этим фактором (*Я извещаю, что...* – фактив; *Я заявляю, что...* – полуфактив; *Я уверяю, что...* – нефактив).

Следовательно, формы настоящего времени, которые доминируют в гарантийных письмах, предназначены для отражения реальных или потенциальных ситуаций, которые связаны с актуализацией общего нынешнего, совместимого с дейксисом «сейчас». В английском языке семантика Present Simple в совокупности с маркерами времени *before, after, against, while* и локализаторами типа *in 50 days, three weeks* позволяет передать ход событий, которые последовательно разворачиваются, ориентировать адресата на будущее.

Поскольку перфектные формы имеют значение завершенности отдельного изолированного действия в сфере нынешнего [Иванова, и др. 1989: 63], они обеспечивают контакт реального (объективного) и мнимого (субъективного) времени в сознании адресата [Юршева 2001: 145-146]. Перфектные формы составляют меньше 10% общего количества временных форм (см. табл. 1).

С точки зрения часового соотношения событий показательной является интродуктивная часть текстового массива, где содержится концепт-идея и сообщается о факте гарантии. В английском языке, благодаря перфектным формам: *Company A... and company B... have concluded the present Letter of Guarantee to the effect that...* ; *Company A... and company B... have signed the present Letter of Guarantee on the following* – прошлое тесно и органично связывается с настоящим, с моментом речи. Следовательно, адресат чувствует себя активным участником, кем он собственно и является по условиям гарантийного письма.

Для русского языка перфектные формы не характерны. В русском языке они выражаются прошедшим временем.

Ссылка на события, которые уже состоялись, отступление в прошлое или изображение будущего вносит в основной текст определенного рода субъективно-модальные коннотации. В английском языке модальные фрагменты текста гарантийного письма содержат Present Perfect, значение которых приближает факты прошлого к сфере действия гарантийного письма, служит дискурсной детализации:

The party which has been deprived of its contractual obligations should immediately notify the other party and in this case neither of the parties will have the right to demand any compensation of eventual losses from the other party.

Формы Present способны не только локализовать события или факты в часовом континууме. По мнению В.С. Храковского, они отображают фактический часовой план [Типология условных конструкций 1998: 42]. Прагматический потенциал форм Present в тексте гарантийного письма заключается в содействии экспликации интенциональной

нагрузки СФЕ, указывая на определенно субъективное содержание, которое вводится в гарантийное письмо. В английском языке сочетание Present Simple и Present Perfect позволяет соотнести действие с любым временем.

The ABC on the one part and the DEF on the other part have concluded the present Letter of Guarantee on the following basis:

- 1.1. *The Sellers have sold and the Buyers have bought the Goods...*
- 1.2. *The specification of the Goods with prices per item is stipulated in Appendix N. 1, which is an integral part of this Letter of Guarantee.*
- 2.2. *The prices are understood in (currency indicated).*
- 3.1. *The Goods is to be delivered...*
- 3.2. *The date of delivery is considered...*
- 4.1. *Payment will be effected...*
- 4.3. *Each party should bear bank charges...*
- 4.4. *The bank guarantee has to be returned... .*

Результатом взаимодействия двух часовых плоскостей является восприятия описываемого как части собственного профессионального опыта, а не только как жестко регламентированного документа.

Ориентация на будущее эксплицируется благодаря категории футуральности, которая занимает особое место в темпоральной системе гарантийного письма. Будущее появляется как сфера возможного, предсказуемого, планируемого, желательного для обеих сторон. Со-автор учитывает даже и то, что может состояться/не состояться. В таком случае, как подчеркивает А.В. Бондарко, семантическая сфера индикатива содержит стержень актуальности (фактичности) вместе с модальностью возможного и необходимого [Теория функциональной грамматики 1990: 73]. Тактика соотношения изображаемого со сферой будущего свидетельствует об определенной степени потенциальности содержания гарантийного письма.

Обращенность в будущее гарантийного письма, что имеет целью регулирование будущей деятельности коммуникантов, конституируются формами настоящего времени вместе с формами Future Simple. Привлечение средств нынешнего: *The total cost of the Contract amounts to XXXXX. The Contract price shall be firm, fixed and subject to no alterations; Payment shall be made in...The terms of payment are the following...* для изображения перспективы будущего в гарантийном письме предоставляет будущим действиям чертв не гипотетического, а полностью реального, максимально объективного характера, а самой сфере будущего – предусмотренность и спланованность.

Для экспликованой футуральности доминирующей является сема «следующая», которая сигнализирует, что действие состоится после определенного момента. Например: *The Seller shall notify by cable the Buyer not later than (indicated) days after the (vessel's name) departure from the Seller's (port) about the shipment of merchandise...* последовательность действий изображена с помощью Future Indefinite. Эта сема является облигаторной для эксплицированной футуральности в отличие от гипотетичности, что является второстепенной.

В качестве средств реализации футуральности в текстах гарантийного письма английского языка выступают как морфологические, так и синтаксические форманты. К первым принадлежат: а) shall / will + инфинитив: *Invoices for suppliers of equipment and materials... shall be presented as the deliveries are effected; The Customer shall send any additional data required within 30 days after the date of the Supplier's request; The cost of shipment will be born by the Seller if the complaint was timely and justified;* б) условный способ модальных глаголов: *The Buyer should effect 100% advance payment to the Seller's Bank Account as follows: XXXX Bank, Account Nr.*

Конструкция «shall/ will + инфинитив» входит в граматико-лексическое (микро) поле футуральности, поскольку в ее составе содержится следующая сема. Однако

временные рамки такой конструкции неопределённые, общие, а потому для однозначной темпоральной локализации нужны или отмеченные выше индексы времени, или контекстуальная поддержка.

На основании синтаксической дистрибуции (Синтаксическая дистрибуция — это модель синтаксического построения, в которой реализуется данное значение слова.) формы будущего и футурально ориентированного настоящего организуются в текстах гарантийного письма в когнитивно релевантные группы, которые характеризуются двумя транспозиционными возможностями: регулярной и стилистической.

При регулярной транспозиции временных форм (обычно в придаточных предложениях условия и времени) темпоральность субъекта является запрограммированным временем глагола-сказуемого главного предложения и общим значением этого субъекта. Так, в: *Should the Seller fail to deliver the Goods within the term stipulated by the Contract, he will have to pay the penalty to the Buyer as per 0.1% of the total Contract value for every day of delay, but not exceeding the total value of the Contract* маркировка будущих последствий может осуществляться не только эксплицитно, но и имплицитно, когда исчезает потребность дублировать значение грамматически: *In case, when the term of delay exceeds 90 days, the Seller should pay penalty; If the packing of the delivered goods is damaged, the Seller should eliminate the defects according to the written requirements of the Buyer.*

В русском языке ключевое слово *гарантировать* и его формы (гарантирую, гарантирует, гарантируем):

Я, (Ф.И.О.), гарантирую оплату расходов своей (-го, -их) (степень родства, ФИО):

во время её (его/их) поездки и пребывания в Швеции в период (даты поездки) с « 20 г. по « 20 года. Прикладываю справку о доходах или выписку из банка с моего счета и копию паспорта согласно требованиям Посольства.

СШ № гарантирует прохождение педагогической практики студенту(ке) (Ф.И.О.) на период с...

Оплату стоимости всех произведенных работ гарантируем со своего расчетного счета N

Выводы. Темпоральная сетка гарантийного письма способствует его формированию как чего-то реального, актуального и сориентированного в пространстве и времени. Именно поэтому здесь преферентно используются настоящее (способствует приближению извещаемого к сфере адресата,) и будущее время (предоставляет экспликацию перспективы: ориентирует адресата на будущее).

1. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб: Изд-во С-Пб ун-та, 1996. – 220 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 576 с.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 285 с.
4. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
5. Типология условных конструкций / Отв. Ред. В.С. Храковский. – СПб: Наука, 1998. – 583 С.

Научный журнал

**Тенденции науки и образования в современном мире
№39, 06.2018**

Июнь 2018 г.
Часть 4

SPLN 001-000001-0314-LJ

Подписано в печать 26.07.2018. Тираж 400 экз.
Формат.60х841/16. Объем уч.-изд. л.4.14
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович